

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60—80-х ГОДОВ

Сообщение М. Клевенского

После ареста Н. Г. Чернышевского 7 июля 1862 г. и в особенности после его отправки в каторжные работы, происшедшей в мае 1864 г., имя его на долгие десятилетия стало запретным для русской литературы. Такое абсолютное молчание было для писателя настоящим актом убийства. Правительство стремилось к тому, чтобы о Чернышевском совсем забыли в русском обществе. Это стремление оказалось в значительной степени утопическим: имя Чернышевского продолжало оставаться именем — хотя бы и не называемым вслух — великого вождя революционной демократии; его статьи, вырезанные из старых книжек «Современника», тщательно сохранялись и жадно читались молодежью. Правда, о Чернышевском нельзя было говорить в печати, закатой в тисках царской цензуры, — но ведь, кроме легальной, существовала и зарубежная пресса, имевшая возможность говорить на любые темы полным голосом. В течение по крайней мере 30 лет только здесь, в зарубежной прессе (сюда еще нужно прибавить некоторые издания, печатавшиеся в подпольных типографиях в самой России), продолжало жить имя Чернышевского. Для полного изучения литературы о великом революционном мыслителе представляет безусловный интерес произвести сводку и оценку того, что говорила нелегальная печать 60—80-х годов о Чернышевском. Хронологические рамки, в которых мы остаемся в своем обзоре, определяются моментами ареста Чернышевского и его смерти. Так как Чернышевский умер в конце 1889 г. (17 октября), то необходимо иметь в виду еще и 1890 год, так как отклики на смерть Николая Гавриловича появлялись в заграничной прессе уже в следующем году после его смерти. Весь материал расположен нами по десятилетиям — за шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы.

Естественно, что прежде всего приходится говорить о «Колоколе». Общеизвестны те отношения, которые создались между Герценом и Чернышевским к моменту ареста последнего¹. Это были отношения полного расхождения; попытка договориться до чего-нибудь при личном их свидании еще в 1859 г. привела лишь к тому, что Чернышевский дал убийственную формулировку относительно своего собеседника: «Кавелин в квадрате — вот вам все». Положение Герцена осложнялось еще тем, что, помимо воспоминания о своих прежних несправедливых и бестактных литературных выступлениях против него, он в деле ареста Чернышевского испытывал некоторую долю личной вины: полная неконспиративность, с которой были вручены П. А. Ветошникову при его отъезде в Россию письма к разным лицам, привела к тому, что Ветошников был арестован в самый момент возвращения и на основании взятых у него писем были произведены массовые аресты в Петербурге. В частности, поводом для ареста Н. Г. Чернышевского послужили последние слова в письме Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу: «Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве, — печатать предложение об этом? Как вы думаете?» Герцен напечатал

свое предложение в «Колоколе», не получив никакого ответа от Серно-Соловьевича. Через несколько лет в «Былом и думах» (глава «Апогей и Перигей») Герцен изложил «печальное дело» отъезда Ветошникова и его ареста. Он заключает свой рассказ так: «Прощаясь с ним последним, я спокойно отправился спать, — так иногда сильно бывает ослепление, — и уже конечно не думал, как дорого обойдется эта минута и сколько ночей без сна она принесет мне. Все вместе было глупо и неосмотрительно до высочайшей степени. Можно было остановить Ветошникова до вторника, отправить в субботу. Зачем он не приходил утром?.. да и вообще зачем он приходил сам?.. да и зачем мы писали? Говорят, что один из гостей телеграфировал тотчас в Петербург. Ветошникова схватили на пароходе; остальное известно». Эти слова Герцена звучат, как раскаяние в сделанной роковой ошибке. А из последствий ареста Ветошникова одним из самых ужасных был арест Чернышевского, — о его печальной судьбе должен был неоднократно вспоминать Герцен во время упомянутых им «ночей без сна».

Таким образом, и в чисто общественном подходе, и с точки зрения личной психологии арест Чернышевского, суд и приговор над ним не могли не вызывать самого напряженного внимания Герцена.

До момента приговора над Чернышевским, пока он находился под следствием и судом, Герцен, конечно, опасался повредить как-нибудь Чернышевскому, поднимая о нем речь в вольной прессе. Он выжидал, что сделает правительству со своим великим врагом. Поэтому в 1862—1863 г. в «Колоколе» почти нет речи о Чернышевском. В № 141 (1862) буквально в одной строчке говорится об аресте его и Серно-Соловьевича. За весь 1863 г. в «Колоколе» можно найти лишь одно упоминание о Чернышевском — в сообщении из Петербурга в № 153. «Чернышевского не допрашивали еще (это уже не 24 часа, а больше 2400 часов!)... Намерение Вадуева составить обвинительный акт из печатных статей этого замечательного публициста оставлено. Говорят, что одно лицо, некогда пользовавшееся честным именем, а теперь доверием государя (мы погодим печатать фамилию), представило в III отделение письма, писанные к нему Чернышевским — задолго до ареста»².

Когда приговор суда над Чернышевским стал известен, Герцен нашел сильные и горячие слова для выражения своего протеста. Его статья «Н. Г. Чернышевский» была помещена на первом месте в № 186 «Колокола»; заголовок ее был отпечатан крупнейшим шрифтом. «Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей... А тут жалкие люди, люди — трава, люди — слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!.. И это-то царствование мы приветствовали лет десять тому назад!..» Передав некоторые сообщения очевидца об экзекуции над Чернышевским на площади, Герцен заканчивает так: «Поздравляем всех различных Катковых — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе? Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятьем вам, проклятьем и, если возможно, — мсть!»

В следующем же номере в статье «VII лет» Герцен, характеризуя проявления безумной реакции, начавшейся с 1862 г., к самым возмутительным «неистовствам правительства и общества» причисляет расправу с Чернышевским. «Она новая Россия. — М. К.] становится во весь рост только в Белинском и идет на наше русское крещение землю, на каторгу в лице петрашевцев, Михайлова, Обручева, Мартыанова и пр. Ее расстреливают в Модлине и разбрасывают по России в лице бедных студентов, ее, наконец, эту новую Россию Россия подлая показывала народу, выставляя Чернышевского на позор». «Чернышевскому, Михайлову и всем друзьям нашим, стоявшим у позорного столба, носящим цепи, работающим на каторге», посвящена заметка Герцена в 188-м номере,

напоминающая о судьбе итальянского революционера Карло Пизакане, расстрелянного в 1857 г.

В последующие за отправкой в каторгу Чернышевского годы «Колокол» часто обращался к его личности и судьбе. Придавая большое значение опубликованию официальных документов по делу Чернышевского, Герцен в 130-м № «Колокола» напечатал уведомление, в котором просил всех честных русских людей прислать в «Колокол» негласную сенатскую записку. Сенатское определение было им получено и напечатано (хотя по неисправной копии) в № 193-м (1865). Герцен при этом воспользовался случаем, чтобы более точно выяснить свои отношения с Чернышевским, которые инкриминировались последнему. По поводу того, что в сенатском определении приписка Герцена в письме к Серно-Соловьевичу была изложена очень неправильно («Мы здесь или в Женеве намерены с Чернышевским издавать «Современник»), он в примечании сообщает, что с Чернышевским он никогда не находился в переписке, предложение издавать «Современник» за границей сделал открыто в «Колоколе» и, не получив никакого отклика на это, не мог писать Серно-Соловьевичу так, как это говорится в сенатской записке³.

Упоминания Герцена о Чернышевском в статьях и заметках «Колокола» за 1865—1867 гг. носили разнообразный характер. Фактических сведений о жизни Чернышевского в ссылке у Герцена почти не было. Сообщалось только в № 203 («Болтовня с дороги»), как слух, что Чернышевский и Михайлов очень больны. В статье «Иркутск и Петербург» (№ 21) в связи с этим говорится: «Михайлов умер, Серно-Соловьевич умер, Чернышевский болен... Какие же это условия, в которые ставят молодых и выносливых людей, что они не выдерживают пяти лет?!» В 1866 г., когда в высших сферах вновь возник вопрос о Чернышевском, в связи с выяснившимися разговорами членов ишутинского кружка об его освобождении, в «Колоколе» сообщалось (№ 221, «Из Петербурга»): «Муравьев требовал выпустить из Сибири Чернышевского, на что государь не согласился» (разрядка Герцена. — М. К.).

Чаще всего Герцен называл имя Чернышевского тогда, когда настойчиво напоминал о юридическом преступлении, совершенном над ним при помощи подложных документов. В «Письме к императору Александру II» (№ 197) Герцен спрашивает: «Вы с беспримерной свирепостью осудили единственного замечательного публициста, явившегося в ваше время, а знаете ли, что писал Чернышевский, в чем состояло его воззрение, в чем опасность, преступность? Можете ли вы на этот вопрос ответить самому себе? Из нелепейшей сенатской записки вы ничего не могли понять». В № 203 свою статейку по поводу сообщений официальной русской прессы о «тульчинской агентии» и прикосновенности Герцена к поджогам в России Герцен кончает следующими словами: «Ну, господа, выйдите из ваших нор и застенков! Полно играть в темную поддельными документами, как в деле Чернышевского!» Той же темы касается статья Герцена «Первое предостережение, первое запрещение, первый суд!» (№ 210): «В тот день, когда Чернышевский был взят без всякого юридического основания, освобожден сенатом от обвинений, принятых советом, когда он, невинный кругом, был выставлен к позорному столбу и сослан на каторгу, — без того, чтобы правительство сочло нужным или возможным сказать верноподданым, в чем его дело, — в тот день судьба «Современника» была решена». В 1866 г. Герцен не раз возвращался к делу Чернышевского в связи с происходившим тогда следствием и судом над Каракозовым и его кружком. Упоминание о фальшивых документах в деле Чернышевского сделано в заметке по поводу речи Муравьева (№ 219). Герцен отстаивал, что никакой революционной организации между членами ишутинского кружка не было. «Заговора не было!» — так озаглавлена заметка в № 229. Начинается эта заметка словами: «Не было, так как не было ни одного доказанного преступления со стороны Чернышевского и Серно-Соловьевича».

О мужественном поведении Чернышевского после ареста говорится у Герцена в «Письмах к противнику» (№ 193). «Что, энервированный Михайлов просил пощады? Обручев валялся в ногах царя? Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу со святою нераскаянностью».

«Колокол» обращал внимание на то, что жестокий приговор над Чернышевским, нашедший, естественно, полное сочувствие среди дворянской реакции, не вызвал никакого протеста в либеральных и радикальных кругах интеллигенции. С горечью говорит Герцен, что люди, рвавшиеся на деятельность, как будто бы готовые идти на каторгу с Михайловым и Обручевым, — стояли, сложа руки, когда Чернышевский был у позорного столба. «То же приходится сказать о нашем благородном обществе, о том, которое называло увлекавшихся юношей зажигателями, которое рукоплескало ссылке Чернышевского, князьям поляжков и посылало телеграммы Муравьеву и его литературному Дрягилю». («Письма к путешественнику», № 210). Последний упрек вызывает недоумение: какого же, собственно, другого отношения ожидал Герцен со стороны «благородного общества» к своему жестокому классовому врагу? Довольно наивно было с его стороны рекомендовать И. С. Аксакову и ему подобным, чтобы они если уж не протестовали, то по крайней мере молчали. «На каком основании вы, — речь тут, само собою, не исключительно об вас, а о большинстве людей, разделяющих ваши мнения, — с тою же несчастной опрометчивостью, с которой пожертвовали нас, пожертвовали, по голословным полицейским наветам, всякой идеей независимости и свободы мнений до такой степени, что не нашли не только ни протеста, ни сочувствия, но даже не нашли молчания, когда ссылали на каторгу и вязали к позорному столбу Михайловых и Чернышевских?» («Ответ И. С. Аксакову», № 240). Здесь налицо идеализация И. С. Аксакова, от которой Герцен никогда не мог отрешиться.

Оставляя в стороне еще несколько упоминаний о позорном столбе Чернышевского, о его каторге, сделанных Герценом по разным поводам, обратимся к самому значительному из высказываний Герцена о Чернышевском в «Колоколе». Оно дано в статье «Порядок торжествует» (№ 233—234). Здесь Герцен пытается определить общее значение Чернышевского в развитии революционной мысли в России. Рассказав о своей пропаганде идей «русского социализма», Герцен продолжает: «Рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге. Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга». Чернышевский, по словам Герцена, не принадлежал целиком ни к одной социалистической доктрине, но обладал глубоким социальным смыслом и давал глубокую критику современных общественных порядков. «Стоя один, выше всех головой, средь петербургского брожения вопросов и сил, ... Чернышевский решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся, что им делать. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательного недовольства и негодования; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов и их друзья первые в России звали не только труженика, съеданного капиталом, но и труженицу, съеданную семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании, и в этом — одна из величайших заслуг их. Пропаганда Чернышевского была ответом на настоящие страдания, словом утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в самом деле юной Россией и прикидывающею такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Совакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и помещиков в оппозиции... В то

время как мы, следуя шаг за шагом за прениями редакционной комиссии, за введением постановлений 19 февраля и разбирая самые постановления, старались ввести в сельский переворот, в самые учреждения наиболее своего взгляда, в Петербурге, Москве и даже провинциях готовились фаланги молодых людей, проповедывавших словом и делом общую теорию социализма, которой частным случаем являлся сельский вопрос.

В этой статье Герцен старался воздать должное Чернышевскому. Кое-чего он не мог сказать из тактических соображений: подчеркивать роль Чернышевского, как главного идеолога крестьянской революции, было неудобно, так как этим Герцен оправдал бы до некоторой степени суровую расправу правительства с Чернышевским. Но одного стремления к справедливости и объективности было недостаточно: в общем характеристика Чернышевского вышла у Герцена односторонней и неудовлетворительной. Статьи Герцена придется еще коснуться дальше, в связи с выступлением по ее поводу «молодой эмиграции».

Кроме своих собственных статей, Герцен помещал в «Колоколе» и произведения других авторов, посвященные Чернышевскому целиком или частично. В № 189 дана статья (В. А. Зайцева) «Николай Гаврилович Чернышевский». Она, между прочим, показывает, что сведения о махинациях, употребленных для осуждения Чернышевского, стали известны в Петербурге уже в самое первое время после приговора (189-й № «Колокола» вышел 1 октября 1864 г.). Автор говорит о гнусной роли Костомарова, о подкупе пьяного проходивца Яковлева, о подделке в III отделении известного письма к Плещееву. В статье квалифицируется, как подделка, и прокламация «К барским крестьянам». Весьма возможно, что Зайцев знал об авторстве Чернышевского и говорил о подделке для того, чтобы доказать полную его невиновность в приписываемых ему деяниях. Далее в статье сообщается о мужественном поведении Чернышевского, о голодовке, к которой он прибегнул в крепости, чтобы добиться свидания с женою. В конце автор с большим подъемом говорит о Чернышевском, как о лучшем, глубоко чтимом учителе молодого поколения. «Наша скорбь о Чернышевском выше минутной торжествующей насмешки его врагов. Пусть нет у русского юношества лучшего его учителя, но его учение не могло пропасть даром. Мы горды дорогим правом звать себя его учениками, воспитанниками его школы; мы горды этим, потому что чувствуем, что можем служить народу хотя сотою долею его служения, и наше служение не будет бесплодно, — им руководит та искренняя любовь и то истинное уважение, которым он учил и с которым он относился к народу и молодому поколению, платившему ему горячим возвратом тех же чувств. Много же понесли вы утраты, братья-юноши! Безвременная смерть, в удушливой среде, сразила вашего неусыпного борца против темного царства! Вслед за другими славными братьями у вас вырвали и доблестного учителя!»

В следующем, 190-м, № напечатана статья о Чернышевском неизвестного нам автора. Статья является попыткой дать первый биографический очерк Чернышевского (не без ошибок, — напр., годом его рождения указан 1829-й; эта ошибка повторялась в литературе о Чернышевском и в дальнейшем, напр.; у Плеханова). Автор считает свою попытку полезной ввиду запретности имени Чернышевского в России. «Несчастный мученик нелепого деспотизма принадлежит к числу таких редких явлений не только в нашей литературе, но и вообще в нашем обществе, что мы сочли не лишним записать наши сведения о его жизни, как ни малы они. В России теперь имя это запрещено, и вряд ли возможно писать о Чернышевском не только как о человеке, но и как о литераторе; вероятно, скоро запрещены будут даже цитаты из его сочинений и ссылки на них». В конце статьи даются некоторые подробности об исполнении приговора и говорится о большом участии к его судьбе, проявленном в Петербурге, хотя и не без исключений.

Мимоходом упоминается Чернышевский в заметке Огарева в «Смеси» (№ 194) и в воспоминаниях М. К. Эллидина о Казанском заговоре (№ 206). Огарев го-

ворит по поводу предстоявшей реформы суда, что настоящий гласный суд с присяжными приговорил бы к каторге следователей и судей по делу Чернышевского, так как правительство сослало на каторгу человека, на которого оно само через особых агентов взвело ложные обвинения, на следствии не доказанные. Дальше передается анекдотический слух, что когда Александру II докладывали о девушке, бросившей цветы Чернышевскому на эшафот, то царь с гневом сказал: «Эту девченку следовало бы послать в монастырь — к кому сочувствие?.. мерзавец, которому я уменьшил 7 лет каторги, а он за это не хочет поблагодарить, причастившись святых тайн!»

В области слухов остается и Элпидин, сообщающий, что председатель следственной комиссии по делу о Казанском заговоре Жданов в 1863 г. хвастался арестованным: «Мы, слава богу, обзавелись верными людьми. Теперь наша полиция не уступит наполеоновской, у нас и в вагонах на железной дороге, и за границей есть свои люди. Вот Чернышевский, хотя умный, каналья, и язвительно смеется, а запрятали».

Вот все существенное, что можно найти о Чернышевском в «Колоколе» 1864—1867 гг. Можно сказать, что Герцен уделял Чернышевскому не мало внимания. В своих собственных высказываниях Герцен стремился быть объективным и придавал большое историческое значение деятельности Чернышевского, хотя по существу она была ему враждебна. Письма Герцена 60-х годов дают богатый материал, говорящий о том, что он до конца относился отрицательно к Чернышевскому, ярко выраженному представителю другого класса, родоначальнику крайнего революционного направления, с которым боролся Герцен. С большим вниманием вчитывался Герцен в роман «Что делать?», находя, что этот роман «удивительный комментарий ко всему, что было в 1866—1867 гг.» (он имел в виду свои столкновения с молодой эмиграцией); он возмущался многим в романе и в то же время находил в нем «бездну хорошего». В августе 1867 г. у него была даже мысль написать статью о «Что делать?», но он не осуществил этого намерения, «чтобы не раздражать его стаю». Однако, все эти определенно враждебные Чернышевскому настроения и мысли остались в пределах частной переписки; в том же, что Герцен в это время печатал, он был вполне корректен относительно своего великого противника, погубленного самодержавием, хотя и не мог внутренне понять всего громадного значения деятельности Чернышевского.

Обратимся к другим заграничным периодическим органам 60-х годов. В 1862—1864 гг., кроме «Колокола», за границей выходили еще издания П. В. Долгорукова и Л. П. Блюммера. Характерно, что в «Послужном списке русского правительства за шесть месяцев, с мая по октябрь» в «Листке» за 1862 г. (№ 1) Долгоруков, пересчитавший в 30 пунктах разные преступления правительства (в том числе не мало и разных пустяков), ни словом не обмолвился об аресте Чернышевского. Есть только такой общий пункт: «Наполнение казематов Петропавловской крепости лицами, все преступление коих состоит в том, что они не любят насилия и преступлений и желают законного порядка вещей». Имя Чернышевского названо у Долгорукова уже только в 1863 г. («Листок», № 4), где в постскрипуме к статье о военном министре Милютине сообщается полученное из Петербурга известие, что Милютин представил правительству частные письма, полученные им за несколько лет до того от Чернышевского.

В «Свободном Слове» Блюммера (1862, т. I, вып. 5—6) имя Чернышевского стоит первым в приведенном списке арестованных. По поводу этих арестов в «полученном редакцией письме» говорится, что правительство вновь начало давить всякое проявление общественной свободы. «Оно уже закрыло Шахматный клуб, закрыло читальни и воскресные школы, произвело множество арестов и, быть может закрыло по делу, арестовало по необходимости (разрядка наша.—М. К.) как по необходимости, следуя общественному мнению, объявляя до военное положение».

В 1864 г. Блюммер был редактором «Европейца». Передовая этого журнала в № 9 касается, между прочим, и приговора над Чернышевским. «Новая политическая жертва! По полученным известиям, от которых у каждого честного человека сердце обользает кровью, Н. Г. Чернышевский приговорен к каторжной тюрьме на продолжительный срок. В чем состоит его вина, за что он должен вытерпеть десятилетнюю [sic!] каторгу — этого не знают сами его судьи, руководившие в своем обвинительном приговоре только одним побудительным мотивом: необходимостью признать виновным человека, который имел слишком большое влияние на общество. Правительству неловко было признаться, что Чернышевский беспричинно сидел полтора года в каземате Петропавловской крепости; правительству неприятно было, что талантливый писатель, испытавший на себе все прелести произвола, снова начнет бичевать этот произвол, — и вот человек, который в Англии, в Бельгии, в Италии, даже в Пруссии, даже в Австрии, даже во Франции пользовался бы величайшим почетом и был бы одним из представителей народного величия, — этот человек отрывается от общества, от своей полезной деятельности и, как величайший преступник, наказывается наравне с разбойником! Бедная Россия!» Блюммер доказывает, что если бы правительство признало свою ошибку и освободило Чернышевского, то оно этим не уронило бы, а подняло свой авторитет. Дальше «защиту» Чернышевского Блюммер ведет весьма своеобразными аргументами. По поводу того, что Чернышевскому ставилось в вину направление его статей в «Современнике», он говорит: «Мы сами далеко не разделяем направления автора статей, вроде «Законодательство и экономическая деятельность», в которых Чернышевский требует сильнейшего вмешательства правительства в общественные дела, — но именно по этому обстоятельству мы и не можем не сказать, что едва ли направление редактора «Современника» могло казаться правительству вредным или опасным. Напротив, никто не поддерживал так сильно, как он, атрибуты и прерогативы правительства. В то время, как г. Катков в компании с г. Краевским горячо стояли за уничтожение правительственной силы, один Чернышевский защищал значение центральной власти, и было даже время, когда г. Громека послал ему только что оставленные им свои собственные жандармские принадлежности⁴. Чернышевский, беспощадно осмеяв всех доктринеров английского толка, отдавал в распоряжение правительства страшную власть. Положим, что редактор «Современника» делал это не из особенной любви к русским управителям, не из поклонения произволу, но bon gré, mal gré он был столпом правительства в то время, когда нынешние гувернаментальные писакки считали своею святою обязанностью подкапывать власть». К этому Блюммер прибавляет еще, что обвинение Чернышевского было неправильно потому, что его статьи печатались с разрешения цензуры. «Все свои статьи он печатал с необходимою цензурною санкциею — и, в свою очередь, было время, когда Чернышевскому позволяли говорить более, чем другим, — конечно потому, что слово его и его мысли находили полезными. Каким же образом сегодня можно наказывать то, что вчера считалось достойным похвалы?»

Когда Блюммер писал свои глупости и гнусности, изображая Чернышевского, как баловня цензуры и вообще как persona grata для русского правительства, он не был оригинален: в легальной журналистике «либеральные» противники Чернышевского не раз проводили мысль, что его направление на-руку реакции. К сожалению, первым проявил эту тенденцию Герцен, еще в 1859 г. в своей статье «Very dangerous» предупреждавший Чернышевского и Добролюбова, что они могут «досвистаться» до Станислава.

Не представляет особого интереса то, что говорится о Чернышевском в журнале Эллидина «Подпольное Слово» (статья Эллидина «Каракозов и Муравьев», № 1, 1866). Здесь, указано, что Чернышевский поплатился за то, что безбоязненно критиковал принятые способы «освобождения» крестьян, доказывал вред следования мысли и пр.

Совершенно особняком стоит оценка, данная Чернышевскому в бакунинско-нечаевской «Народной Расправе» («Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела» 1863, № 1)⁵. Статья проникнута самым отрицательным отношением к социалистам-теоретикам. Мужики, — говорится там, — сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то могло бы выйти по всем теориям и проектам доктринеров-социалистов, навязывающихся народу в учителя и в распорядители. Народному не испорченному цивилизацией пониманию совершенно ясно стремление этих непрошенных учителей оставить в будущем общественном строе себе и подобным себе теплое местечко под флагом науки, искусства и т. п. Если подобные стремления даже искренни у представителей современной цивилизации — от этого народу не легче. «В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского». Для всех революционно настроенных шестидесятников имя Чернышевского было чтимым и священным, а его «ассоциации» являлись прекрасным символом будущего социалистического счастья; только Нечаев с Бакуниным решились распространить свою всеразрушающую критику современного общественного строя и на Чернышевского и предпочесть его ассоциациям казачий круг астраханских разинцев.

Других высказываний о Чернышевском в заграничной нечаевско-бакунинской прессе не было, если не считать упоминания о подлогах и подкупленных лжесвидетелях в деле Чернышевского (письмо Нечаева к редакторам французских газет — «Колокол», 1870, № 1).

Много говорится о Чернышевском в заграничном журнале конца 60-х годов «Народное Дело» (1868—1870). В редакционную группу первого номера этого издания входил Бакунин, но затем он вышел из состава сотрудников журнала, и главным его руководителем стал Н. И. Утин, образовавший со своей группой русскую секцию I Интернационала. Борьбу за принципы Интернационала, как он их понимал, кружок Утина соединял с преклонением перед Чернышевским; у Чернышевского Утин особенно ценил то, что он доказывал возможность непосредственного перехода русской крестьянской общины в социалистическую форму.

Изложение своего принципиального отношения к Чернышевскому «Народное Дело» дало, главным образом, в статье «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе» (1863, № 7—10). Основная мысль статьи — сближение между движением пролетариата Западной Европы и русским крестьянством, с социалистическими тенденциями его общины. Эпиграфом к статье взяты две цитаты из Чернышевского. Роль Чернышевского в развитии русской революционной мысли представляется автору так: «И следующие за петрашевцами пропагандисты объясняют нашему юношеству, нашему мозговому пролетариату Западные учения, разъясняют движение народного пролетариата на Западе в 48 и 49-м годах и, вместе с тем, при первой вести об эмансипационных тенденциях правительства..., эти пропагандисты призывают общественное внимание на социалистические основы русского крестьянского быта и ведут борьбу с мещанскими и дворянскими тенденциями жалких подражателей западных экономистов. Надо ли говорить, что мы говорим здесь преимущественно о Чернышевском, надо ли упоминать здесь мимоходом то, что требует более серьезного объяснения: что Чернышевский давал обстоятельное, критическое знакомство с западными теориями и указывал на их реальную связь и применимость к нашему народному быту, основал целую новую школу, к адептам которой причисляем мы и себя». В статье приводится много выдержек из статей Чернышевского об общинном землевладении. Молодым читателям-друзьям автор настоятельно рекомендует перечитать все эти статьи и внимательно в них вдуматься.

Сравнивая статью «Народного Дела» со статьей Герцена «Порядок торжествует», мы видим, что оба автора видят в Чернышевском главного распространителя идей западного социализма среди русской демократической молодежи. Но в то время, как Герцен этим и ограничивается, «Народное Дело» добавляет, что Чернышевский нашел в России реальную почву для осуществления социализма в крестьянской общине; именно вследствие этого Чернышевский и является основателем новой школы.

В том же № 7—10 «Народного Дела» помещен «Запрос А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину» с протестом против цитированной выше статьи «Народной Расправы», «где поносится Чернышевский и вся свободолюбивая деятельность как его, так и его сподвижников, где поносится «Народное Дело», вся эмиграция и все эмигранты». Авторы «Запроса», конечно, знали, что Герцен не имел никакого отношения к названной статье.

Следует особо отметить, что в 1-м № «Народного Дела» за 1870 г. было напечатано известное письмо от Генерального Совета Интернационала за подписью К. Маркса, в котором, между прочим, говорилось: «Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении века».

По поводу выхода в свет отдельных томов собрания сочинений Чернышевского в «Народном Деле» помещены рецензии (1869, № 7—10 и 1870, № 4) с горячим приветствием новому изданию. В первой из них указано, что сочинения Чернышевского не только важны для исторического изучения эпохи 60-х годов, но и представляют вполне современный интерес. Молодому поколению еще раз дан совет серьезно изучать Чернышевского.

Лишним поводом вспомнить о Чернышевском были для «Народного Дела» студенческие дела 1869 г. В № 4—6 за этот год о Чернышевском в этой связи говорится в двух заметках. В одной цитируется, как вполне современная, его статья о студентах «Научились ли?» («Студенческие дела и профессорско-полицейские беспорядки»); в другой, написанной по поводу юбилейного торжества Петербургского университета, сказано несколько слов о тяжелой судьбе одного из лучших питомцев этого университета.

До сих пор мы касались только периодических зарубежных изданий. Из отдельных книг и брошюр 60-х годов, затрагивающих тему о Чернышевском, на первом месте нужно поставить известную брошюру А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» (Женева, 1867). Эта остро полемическая брошюра, написанная в ответ на статью Герцена «Порядок торжествует», является самым ярким моментом в истории расхождения Герцена с «молодой эмиграцией».

Брошюра Серно-Соловьевича очень часто цитировалась и разбиралась в исторической литературе. Мы приведем из нее лишь те места, которые имеют более непосредственное отношение к статье Герцена. «Я промолчал бы,—говорит Серно-Соловьевич,—даже на ваши усилия выставить себя основателем какой-то школы [??], основателем русского социализма, на ваши усилия заставить поверить неопытных пижонов и незнакомых с делом, будто Чернышевский развивал только теории чисто западного, городского социализма (понимаете-де, что Чернышевский последователь западных социалистов, так, ничего себе человек, а вот я-то, смотрите, каков, удивил красотой Европу, выдумал свою собственную штуку), что среда Чернышевского состояла только из пролетариев (да, действительно, из пролетариев, и Чернышевский так мало успел еще проникнуться вашим учением, что видел даже и не в собственнике полного человека). Я с усмешкою оставил бы «Колокол», если б в статье «Порядок торжествует» было только непонимание учения школы Чернышевского, только незнакомство с его статьями, незнание русской журналистики. Я не спросил бы даже вас, когда и где так умно и талантливо, без фраз и стонов, с такою полнотою и пониманием дела разрабатывался крестьянский вопрос, с точки зрения изображенного будто бы вами

так называемого русского социализма, — как в «Современнике» и Чернышевским...» Серно-Соловьевича, по его словам, заставило заговорить утверждение Герцена, что между ним и Чернышевским не было антагонизма и что, напротив, они служили взаимным дополнением друг другу. После ряда негодующих восклицаний по этому поводу Серно-Соловьевич заключает: «Между вами и Чернышевским нет, не было да и не могло быть ничего общего. Вы два противоположные элемента, которые не могут существовать рядом, друг возле друга; вы представители двух враждебных натур, не дополняющих, а истребляющих одна другую, до того расходитесь вы во всем — от мирозозерцания до отношения к самим себе и людям, от общих вопросов до малейших проявлений частной жизни». Далее следует обширная сравнительная характеристика Чернышевского и Герцена, уничтожающая для второго, основанная главным образом на сопоставлении их личных человеческих свойств. Заключительный пункт этой характеристики таков: «Чернышевский основал действительную школу, он воспитывал людей, он образовал целую фалангу людей, — где ваши последователи, я не знаю. Я буду к вам милосерднее, чем сам бог был к Содому и Гоморре, и с своей стороны готов простить вам многое, если вы укажете мне хотя на одного, единственного из своих учеников».

По существу Серно-Соловьевич был прав в своем выступлении против Герцена. Он совершенно верно и с надлежащей силою указал, что молодое поколение шло за Чернышевским. Напоминания Герцену о его прежних несправедливых выступлениях против Чернышевского, сделанные в брошюре в очень острой форме, были очень уместны. Прав был Серно-Соловьевич и тогда, когда он с негодованием указывал, что Герцен, ссылаясь на свои собственные статьи по крестьянскому вопросу в эпоху подготовки реформы, обошел молчанием знаменитые статьи Чернышевского на ту же тему. Прав он был по существу и в остальном. Статья страдает только излишней раздраженностью, склонностью к преувеличениям, порой вульгарностью тона («а вот я-то, смотрите, каков, удивил красотой Европу»), а главное тем, что Серно-Соловьевич переносит центр вопроса в область критики личных свойств Герцена. Эти особенности выступления Серно-Соловьевича объясняются, по всей вероятности, его нервным состоянием, приведшим несколько позже к роковому концу.

Совершенно правильно по поводу брошюры Серно-Соловьевича говорится в его некрологе в «Народном Деле» (1863, № 7—10): «Мы жалели и жалеем, что Соловьевич примешал к делу тон личной насмешки и пояснения домашнего характера; мы жалеем между прочим и потому, что в аргументации, основанной на печатных фактах, у Соловьевича не могло быть недостатка; и, наконец, такая аргументация была бы гораздо сильнее. Тем не менее брошюра А. Соловьевича имела свое серьезное значение; в ней выразился протест ученика Чернышевского против неверного толкования и сопоставления, в ней сказалось неизменное отношение к Чернышевскому».

В следующем (1868) году Серно-Соловьевич выпустил вторую полемическую брошюру — «Миколка-публицист», вызванную возникшими в среде молодой эмиграции раздорами. Брошюра написана в ответ на одну статью Николадзе об эмиграции. Мы упоминаем об этой брошюре потому, что в ней также отчасти идет речь о Чернышевском, а именно — автор издевается над тем, что Николадзе якобы приравнивал себя к Чернышевскому. «Прочел, например, Миколка в «Что делать?», что рекомендовал Лопухов Вере Павловне «Destinée sociale». Добыл себе Миколка Консидерана. Втемяшил себе Миколка очаровательную книжку» да и думает он такую думу. Пишет Фурье, что не надо подавлять страстей, ну, и я начну обувать всех, потому что выходит, что это уж страсть-то моя такая... Удивлялись при Миколке уму Чернышевского. Чем же, рассуждает про себя Миколка, я не Чернышевский? Он писал критические статьи — и я стану писать критические статьи. Он читал очаровательные книжки — и я стану читать очаровательные книжки. Он ходил сгорбившийся — и я стану ходить сгорбившись,

Он прибавлял к словам: «нута-с» и «ну-с» — и я стану к словам прибавлять «нута-с» и «ну-с». Он ковырял в носу — и я уже давно ковыряю в носу. Он говорил, что не вполне языком владеет — и я тоже им совсем не владею. Он в статьях обращался к читателю — и я стану в статьях обращаться к читателю... Произнес Миколка сие стихосложение, посмотрел Миколка на себя в зеркало: совсем, говорит, Чернышевский я».

Серно-Соловьевич не всегда был такого низкого мнения о «Миколкиной» публицистике. В памфлете против Герцена он писал: «Вы ни слова не сказали о такой умной брошюре, как брошюра Никифора Г*** по поводу выстрела 4-го апреля. Вы умолчали о ней, потому что и она говорит, что молодое поколение пошло за Чернышевским и Добролюбовым». Под псевдонимом Никифора Г*** скрывался Николадзе; брошюра его называлась: «Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866» (Женева, 1866).

В своей книжке Николадзе выясняет сущность стремлений «молодого поколения» и ту роль, которую играл среди него Чернышевский. Молодежь стремилась к общему благу, понимая под ним такое общественное устройство, при котором было бы возможно полное удовлетворение физических и умственных потребностей отдельных членов общества и таким образом было бы обеспечено свободное развитие всех способностей. Правительство оказалось враждебным этим стремлениям. В своей борьбе с правительством молодое поколение, с Чернышевским во главе, путем открытой литературной пропаганды отстаивало новые начала общественной жизни. Ничего «ехидного», скрывавшегося в потемках, в деятельности кружка Чернышевского за весь период 1856—1862 гг. не было. «В чем же состояли противозаконные поступки кружка Чернышевского, навлекшие на него правительственный гнев? В том, что этот кружок поддерживал право крестьян на землю, что он отстаивал общинное владение против личной поземельной собственности, что он старался распространить в обществе сознание необходимости собственной инициативы, что он возбуждал в отдельных индивидуумах мысль о личной независимости и сознание человеческого достоинства, в том, наконец, что он ставил выше всего сознание общего блага и во имя его осмеивал всякого рода тунеядство и эксплуатацию... В проповедывании этих оснований общественной нравственности и состояла вся преступность так называемых «социалистических и материалистических учений», проповедывавшихся кружком Чернышевского... Правительство видело в работе этого кружка прямой призыв к возмущению, тогда как вся эта работа резюмируется следующими словами Чернышевского: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы сумеете перенести в нее будущего». Главнейшее средство к достижению предположенной цели состояло, по мнению литературных деятелей этой эпохи, в нравственном развитии [разрядка подлинника. — М. К.] общества. Все вопросы, относящиеся к области чисто политических прений, и в особенности вопросы о форме правления, тщательно устранялись, потому что молодое поколение находило бесполезным заниматься ими, когда общество еще не подготовлено к пониманию простейших оснований общественной науки. Таким образом, все внимание новой литературы было обращено на развитие нравственных понятий читающего люда; для того, чтобы этот последний, в свою очередь, мог развить массы, не имевшие возможности читать и мыслить над прочитанным».

Следует несколько остановиться на этом толковании деятельности Чернышевского. Либо Николадзе в своем стремлении доказать полную невинность Чернышевского с точки зрения законов «перестарался», либо, если он говорил искренно, у него были совершенно неправильные взгляды на роль Чернышевского. Деятельность крайней левой группировки русской общественности 60-х годов представлена здесь на подобие какого-то дагкастерского кружка взаимного обучения

новым взглядам. Даже общие социалистические и материалистические учения, принятые в кружке, оказываются только «так называемыми социалистическими и материалистическими учениями». Николадзе приводит очень известное место из «Что делать?», где Чернышевский призывает молодежь любить светлое будущее и стремиться к нему, не намекая на необходимость революционной борьбы за это будущее,—но ведь это обращение было рассчитано на самые нетронутые и широкие круги молодежи, которые нужно было вовлечь в сферу влияния революционеров. В том же самом «Что делать?», помимо молодежи, радующейся первым появившимся в ней росткам сознания, выведен и Рахметов, готовящий себя к трудной роли вождя будущего восстания. В конце концов, вряд ли Николадзе действительно так плохо представлял себе революционную роль Чернышевского, якобы сознательно избегавшего в своей пропаганде вопроса о правительстве⁶.

Некоторые биографические сведения о Чернышевском можно найти в совершенно забытой книжке «На смерть М. Л. Михайлова», изданной в 1865 г. в Женеве (перепечатана в настоящем номере «Литературного Наследства»). Там говорится, что в университете Чернышевский был верующим «до фанатизма». Михайлов, живший одно время вместе с ним, гораздо раньше него отделался от всякой религиозности и оказал в этом отношении влияние на Чернышевского. «Чернышевский впоследствии всегда говорил, что первый толчок на пути к развитию был ему дан Михайловым». С другой стороны, для Михайлова, склонного по временам к апатии и отчаянию относительно будущих судеб России, была спасительною поддержкою гениальная энергия Чернышевского.

Из того, что было сделано русской эмиграцией 60-х годов для распространения взглядов Чернышевского, особо важное значение имеет осуществившееся за границей издание его сочинений. Прежде всего был издан в 1867 г. роман «Что делать?». Затем в течение 1868—1872 гг. вышло 5 томов собрания прочих его сочинений (V том был издан потом вторично в 1879 г.). Издание было предпринято кружком лиц, из которых главную роль играли Элпидин и Николадзе; в начальный период активную помощь оказывал и А. А. Серно-Соловьевич. В начале 70-х гг. к этому изданию имел отношение кружок чайковцев.

При отдельных томах собрания сочинений (за исключением 2-го) даны предисловия от издателей, иногда довольно значительные по размеру. Останемся вкратце на их содержании.

В предисловии к «Что делать?» громадный успех литературной деятельности Чернышевского среди молодежи объясняется, между прочим, и тем, что Чернышевский не ограничивался критикой и отрицанием существующего, но и давал положительные указания, чем же заменить негодное старое, он выработал определенную программу действий для молодежи. Например, что касается собственно романа «Что делать?», Чернышевский не только критически отнесся к ряду существовавших в литературе образов, как Рудин, Бельтов, Инсаров, Базаров и др., но и вывел «новых людей» с совершенно конкретной программой действий. И однако, говорит автор, среди молодежи с каждым днем все сильнее наблюдаются величайшие отклонения от программы Чернышевского, извращения его взглядов. «А между тем цель Лопуховых и Кирсановых вовсе не так запутана и замаскирована, чтоб ее нельзя было увидеть из первых же слов Чернышевского. Не зависеть от других, не сидеть на чужой шее и не терпеть, чтобы другие взбирались на нее, сохранять свое человеческое достоинство, добиться такого порядка вещей, при котором бы все могли жить таким же образом — вот и все»⁷. Если от такой простой и ясной программы наблюдаются каждый день самые уродливые отклонения у большинства [разрядка автора.—М. К.] молодого поколения, то остается предположить, что это большинство просто не имеет возможности познакомиться с сочинениями Чернышевского. В виду этого издатели придают особенное значение предпринятому ими собранию сочинений Чернышевского.

В I томе сочинений Чернышевского (1868) были помещены его критические статьи. Автор предисловия (тот же Николадзе) сравнивает роль Чернышевского в русском обществе с ролью Лессинга в немецком: оба они поставили своей целью изменение взглядов и понятий окружающего общества и оба начали с вопросов, больше всего доступных этому обществу и интересовавших его. Николадзе находит некоторое сходство современного момента с той эпохой, когда впервые начал писать Чернышевский, т. е. с началом 50-х годов: современная молодежь, как это было и после 1848 г., разочаровавшись в попытках переустройства общественной жизни, стала уходить в область узких личных интересов. Поэтому «уроки гражданского развития», заключающиеся между строк в ранних статьях Чернышевского, сохраняют до известной степени интерес современности.

В 1869 г. вышли II том (Литературная критика) и III том (Дополнения и примечания к Миллю). В предисловии к III тому сказано, что еще не наступило время для беспристрастной и всесторонней оценки Чернышевского, и нет такого писателя, которому была бы по силам подобная задача. Чернышевский был первым распространителем здравых экономических понятий на русской почве; он хотел приохотить хотя бы «мыслящее» меньшинство к науке, которая должна в будущем, вместе с социологией, решить высокие вопросы распределения труда и благосостояния.

В IV томе (1870) автор предисловия (вероятно, М. К. Эллидин) поднимает вопрос об отношении к Чернышевскому некоторых эмигрантских групп и сводит с ними счесть. Громадные денежные затруднения заставили инициаторов собрания сочинений Чернышевского обратиться с просьбой о поддержке к издателям «Колокола» и «Народного Дела»; однако, ответа они не получили. Автор говорит, что у Чернышевского много врагов; из них на первое место следует поставить русское правительство и издателей «Колокола». Со стороны последних ненависть к Чернышевскому объясняется тем, что Чернышевский ушел далеко вперед их по своим взглядам. За Чернышевским, с его научными и свежими взглядами, пошла вся тогдашняя молодежь, а славянофильствующий «Колокол» отстал. Издатели «Колокола», привыкшие к авторитетности в передовом русском обществе, возненавидели за это Чернышевского; их ненависть не раз выливалась на страницах «Колокола» в статьях о желчевиках и свистунах.

Как будто бы совсем иначе относятся к Чернышевскому и его сочинениям издатели «Народного Дела»: они приветствовали издание сочинений Чернышевского, признали его пользу. Однако, они тоже не хотят помогать этому предприятию, даже если бы оно погибало. Дальше в предисловии идет довольно многословное рассуждение о том, что настоящими врагами старого строя могут быть лишь бедняки, угнетенные теперешними экономическими порядками, а не обеспеченные люди, которым хорошо живется при этих порядках. «Издатели «Народного Дела», принадлежа к числу людей, обеспеченных старым порядком», не должны заботиться о замене его новым, а следовательно не должны помогать распространению идей Чернышевского. Они могут издавать революционный журнал, могут и еще что-нибудь придумать для того, чтоб пощекотать свое самолюбие и наполнить праздное время, но помогать пересозданию общества не могут, так как это пересоздание, силою обстоятельств, не улучшит, а ухудшит их положение». В заключение автор вызывает руководителей «Народного Дела» издать на свой счет V том Чернышевского. «Подобное опровержение фактом, а не афишным пустословием выяснит и роль, и прямоте издателей «Народного Дела» в глазах учеников Чернышевского: смотрят ли они на него так же, как прокламаторы «Расправ» или же немножко понисходительней, т. е. находят Чернышевского для настоящего времени уже устарелым писателем?»

Переходя к 70-м годам, напомним, что говорит по поводу Чернышевского один из представителей этой эпохи, В. Г. Короленко: «В последующие годы о Чернышевском говорили все меньше и меньше, а в печати самая его фамилия признавалась «нецензурной». Его «Что делать?» читалось и комментировалось в круж-

ках молодежи, но лучшие его произведения, вся его яркая, кипучая и благородная деятельность постепенно забывались по мере того, как исчерпывались и становились библиографической редкостью книжки «Современника». О самом Чернышевском доходили до нас смутные, сбивчивые слухи. Возникнув еще в 70-х гг., один из этих слухов проводил Чернышевского в могилу. Говорили, что умственные способности его угасли, и даже, что он помешанный»⁹.

Нелегальная литература по мере возможности боролась с этим преждевременным, искусственно создаваемым забвением Чернышевского, но все-таки приходится отметить, что и здесь Чернышевскому уделялось меньше внимания, чем в 60-х гг. Характерное явление: такой важный орган революционных семидесятников, как «Земля и Воля», один только раз вспоминает о Чернышевском. Это — в известном, очень популярном в свое время стихотворении Н. Ольхина «У гроба» («Земля и Воля», 1878, № 1), где имеются такие две строки:

Истомился в далекой Якутской тайге
Яркий светоч науки опальной.

В «Листке Земли и Воли» и «Работнике» имя Чернышевского совсем не встречается. В бакунинской «Общине» (Женева, 1878) можно найти лишь незначительные упоминания о нем в статьях Н. Жуковского (№ 5) и П. Аксельрода (№ 8—9).

Зарубежная периодическая пресса 70-х гг., прежде всего, давала некоторые фактические сведения о жизни Чернышевского в Сибири. Первым по времени было сообщение в журнале «Вперед» № 1 (1873). «О Николае Гавриловиче Чернышевском слухи доходят самые разнообразные. Говорили, что один знаменитый медик¹⁰ испросил себе, в награду за лечение коронованной особы, его перевод в европейскую Россию. Для всех, знающих личность, о которой идет дело, не могло быть ни минуты сомнения, что это — вздор и что прославленный эскулап не мог никогда и подумать заикнуться о столь нецензурной просьбе. Рассказывают, что тяжкая болезнь и истязания измучили совсем здоровье нашего знаменитого литературного деятеля. Насколько нам известно, это несправедливо. Строгий специальный надзор окружает его в Вилюйске, куда перевели его несколько месяцев, как нам сообщили».

Наиболее полные сведения о Чернышевском даны в корреспонденции «Из Иркутска» («Вперед», т. II, 1874). Автор корреспонденции — Г. А. Лопатин, прибывший в начале января 1871 г. в Иркутск с целью освобождения Чернышевского. Узанный и арестованный, он несколько раз убегал, опять подвергался аресту и, наконец, в июле 1873 г. в третий раз бежал из иркутской тюрьмы и на этот раз пробрался за границу. Корреспонденция его проникнута желанием показать, что все разговоры об освобождении Чернышевского — только болтовня и что совершенно неосновательно из-за этих разговоров начальство увеличивает строгости при охране Чернышевского. «С грустью должен сказать вам, что неизгладимая симпатия, оставленная Чернышевским в сердцах всех порядочных людей, сколько-нибудь знавших его, и тот неоспоримый авторитет, который его ум, знания, честность и всегдашняя верность своим основным принципам завоевали ему в кругу нашей передовой молодежи, составили истинное несчастье целой его жизни, преследующее его и до настоящей минуты. Бесконечные разговоры, слышавшиеся непрерывно во всевозможных либеральных кружках относительно необходимости устроить освобождение Чернышевского насильственным образом, разговоры, ни разу не переходившие за пределы обыкновенной либеральной болтовни, сделали то, что правительство не переставало обращать на Чернышевского самое бдительное внимание и употреблять по отношению к нему такие меры строгости, которые не употреблялись ни с одним из политических и уголовных ссыльных, находящихся в настоящее время в Сибири». Лопатин указывает, в чем проявлялась особенная строгость относительно Чернышевского. Осужденный на работы в заводах, он провел почти все время каторги в рудни-

ках. Он не был выпущен в «разряд испытуемых» и все время своей каторги оставался под замком. К нему не был применен льготный счет (10 месяцев за год), и он отбыл весь своей каторжный срок сполна. «Этого мало. Как говорят, он был задержан там даже несколькими месяцами долее своего законного срока, в ожидании окончания следствия по делу некоего Лопатина, арестованного у нас в Иркутске и заподозренного в намерении освободить Чернышевского. Таким образом, вы видите, что во все время пребывания своего на каторге Чернышевский постоянно расплачивался за чужие грехи и за симпатии, пробужденные им в среде русского общества (с позволения сказать)».

Пребывание на каторге, говорится в корреспонденции, оказалось для Чернышевского гораздо лучшим периодом, чем последующее заточение в Вилюйске — без всякого общества, в ужасных климатических условиях, под строжайшим надзором (в Вилюйске было 20 казаков и один жандармский унтер-офицер), при чем в стражу к нему назначались жандармы, выделившиеся до того своей особенной старательностью. Корреспондент сообщает о той исключительной «помпе», с которой перевозили Чернышевского из Нерчинских заводов в Вилюйск, говорит кое-что о его жизни в Вилюйске. «Долго ли еще он будет в состоянии выносить эту суровость климата и материальной обстановки, это бесконечное, насильственное уединение, эти ежедневные, ежечасные нравственные мучения?»

В 3-м № «Вперед», в статье «Не наши» Лопатин передает слух, что в Вилюйск вследствие какого-то доноса ездил начальник временного управления над политическими ссыльными, устроивший в Вилюйске обыск в десяти домах и отобравший у Чернышевского оказавшиеся у него 300 р.

В газете «Вперед» № 11, в корреспонденции из Иркутска (автор — опять Лопатин) отмечено, что генерал-губернатор Синельников горячо, хотя и безуспешно, ходатайствовал об облегчении участи Чернышевского.

Вслед за попыткой Лопатина в 1875 г. последовала новая неудачная попытка освобождения вилюйского узника — со стороны И. Н. Мышкина. Сведения о ней тоже проникли в зарубежную печать: об этом говорится в № 23 газеты «Вперед» (имя Мышкина при этом не названо). Рассказ об этой новой неудаче заключается такими словами: «Говорят, что при этой истории Чернышевский заявил, что увезти его помимо его воли невысказано, и что напрасно его благодетели губят себя задаром, ибо он твердо решил не бежать, так как он убежден, что должен же наступить когда-нибудь тот день, когда правительство сознает необходимым исправить сделанную им по отношению к нему несправедливость, или когда, по крайней мере, перестанут осыпать его мерами строгости, ничем не вызванными с его стороны и составляющими совершенно произвольное, ничем не оправдываемое и вопиющее отягчение состоявшегося над ним приговора, как бы ни был несправедлив и суров этот последний»¹¹. Это заявление, по словам корреспондента, не предупредило новых мер строгости. В конце сентября 1875 г. в Иркутске была получена секретная депеша от шефа жандармов с сообщением, будто в Петербурге составилось общество для похищения Чернышевского и в Иркутск с этой целью отправилось несколько мужчин и две женщины. Чернышевского после этого заперли и запретили ему даже гулять; всякие льготы для него уничтожены, он находится в полнейшем одиночном заключении. По непроверенным слухам, в Вилюйске, вместо одного жандарма, послано 10 или 12. «Бедный, бедный Николай Гаврилович», — заканчивается корреспонденция.

В 1878 г. в № 1 нелегальной газеты «Начало» (печаталась в России) была помещена корреспонденция из Сибири, где подтверждалось, что Чернышевский положительно не хочет бежать, чувствуя себя не в силах преодолеть все трудности пути, так что всякая попытка в этом направлении только ухудшит его положение. «Несмотря на всю его физическую слабость, все рассказы о том, что он будто бы чуть не помешался, рассказы, ходившие с таким упорством в Петербурге, лишены всякого основания». В Вилюйске для наблюдения за Чернышевским живут: жандарм, казачий урядник, два простых казака и, со времени по-

пытки Мышкина, 7 человек солдат. В 1876 г. его хотели перевести в Черниговскую волость, верстах в 140 от Иркутска, но, опять-таки вследствие попытки Мышкина, оставили в Вилюйске. Далее описывается обычное времяпровождение Чернышевского в Вилюйске, при чем добавляется, что Чернышевский с сожалением вспоминает время, проведенное им в Александровском заводе, где, между прочим, он написал роман на тему «русского пробуждения» под заглавием «Старина» (заглавие это автор или редакция сопровождает вопросительным знаком).

Из периодических заграничных изданий 70-х гг. больше всего материалов о Чернышевском можно найти в журнале и газете «Вперед» П. Л. Лаврова, выходявших в течение ряда лет (1873—1877) в Цюрихе и Лондоне. Специально о значении деятельности Чернышевского Лавров говорит в предисловии к «Письмам без адреса», опубликованным впервые во 2-м № «Вперед» (1874). Отзыв Лаврова о Чернышевском, как публицисте, мыслителе, общественном деятеле, человеке, проникнут глубоким уважением. Чернышевский «врезал могучий и неизгладимый след в истории русской мысли», создал целую школу исследователей. Лавров не ограничивается тем, что называет Чернышевского мыслителем, по своему влиянию на русскую мысль не имевшим себе равного среди современников, а идет дальше и определяет его место между выдающимися общественными мыслителями Европы. «Николай Гаврилович Чернышевский был заметным уяснителем основных задач социологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса, когда в Европе была замечательна лишь деятельность Лассаля, гораздо более замечательная в агитационном, чем в теоретическом отношении».

Попутно Лавров говорит о Чернышевском в разных статьях «Вперед». В статье «За четыре года» (газета «Вперед», № 48) он указывает на то, что в начале 60-х гг. статьи Чернышевского и Добролюбова были более читаемы и оказывали более сильное действие, чем произведения Герцена и Огарева. В 10-м № газеты («Слухи о войне») Лавров упрекает интеллигенцию за то, что она спокойно допустила совершиться жестокой судьбе Чернышевского. Казалось, что русское общество начала 60-х гг., упивавшееся жгучим анализом общественных явлений в статьях Чернышевского и Добролюбова, решительно проснулось. «Но не надолго хватило в русском обществе этой полусонной энергии. Через девять лет она была исчерпана... Это общество даже отказывалось ходатайствовать публично за сосланного Чернышевского; и в то время, как Чернышевский, Михайлов, Серно-Соловьевич были в каторге, в то время, когда Муравьева призывали диктаторствовать в Петербурге, почти вся литература огулом подписывала адрес императору по случаю «покушения» Каракозова¹². В статье «Александр Иванович Герцен» (№ 22) Лавров делает замечание о том, что материализм Чернышевского и его последователей составляет прямое развитие реализма Герцена в его «Письмах об изучении природы»: в обоих случаях видно влияние Фейербаха, но в различных фазах его мысли и с различными другими привходящими элементами.

В статьях других авторов «Вперед» нередко маловажные упоминания о Чернышевском — его влиянии на молодое поколение, его судьбе и пр. Не лишены интереса сведения, даваемые в некрологе Светозара Марковича (газета «Вперед», № 7) о том, что Маркович, живший в России в 1866—1867 гг., подвергся сильному влиянию идей Чернышевского и позже сам оказал большое воздействие на сербскую молодежь в духе своего русского учителя.

Статья Н. Г. Кулябко-Корецкого «Плоды реформ» (в V томе «Вперед», вышедшем уже без всякого участия Лаврова), между прочим, старается установить роль Чернышевского в эпоху проведения «крестьянской реформы, но делает это неудачно. «Крестьянская реформа, — говорится там, — была компромиссом между требованиями, с одной стороны — народной партии, действовавшей или во имя узких национальных предрассудков (славянофилы), или во имя гуманитарных

идей, взросших на почве западной науки (Чернышевский), и с другой стороны — требованиями вновь народившихся стремлений буржуазных классов, стремившихся внедрить в России последние цветы буржуазной западно-европейской цивилизации... Из среды образованного общества только такая светлая голова, как Чернышевский и его сподвижники, сумели раскусить хитросплетение... «Народная партия», в которую Чернышевский входил наряду со славянофилами, должна была породить значительную путаницу в голове неопытного читателя.

6 декабря 1876 г. землевольцы напомнили имя Чернышевского, устроив известную демонстрацию у Казанского собора. По числу собравшихся демонстрацию нельзя было назвать удавшейся; но важно то, что это была первая попытка рабочей демонстрации в Петербурге. Перед собравшимися оратор (Г. В. Плеханов) успел произнести краткую речь, которую он начал с воспоминания о Чернышевском. Об этом событии сообщается в нелегальной прессе; речь Плеханова передана в № 48 «Вперед» и, очень коротко, в № 11—12 «Набата» за 1876 г. Более подробно эта речь изложена в № 1—2 «Набата» за 1877 г. Вот что мы там читаем: «Товарищи,—раздалось из толпы,—мы празднуем сегодня день имени нашего великого учителя Чернышевского. Русскому народу давно уже пора знать это дорогое имя. Чернышевский был писатель, который едва ли не первый, после освобождения крестьян, упрекнул царя-освободителя в обмане. Он говорил, что не свободен тот крестьянин, который чуть ли не полгода питается древесной корой, у которого продают последнюю корову, последнюю курицу, у которого разбирают верх избы для удовлетворения восточных прихотей царя. Не свободен и рабочий, который за плату, едва достаточную для поддержки его жалкой собачьей жизни, работает по пятнадцати часов в сутки, да и то до тех только пор, пока хозяину не вздумается прогнать его на улицу, как забежавшую неизвестно откуда собаку. И теперь, господа, в этом самом городе, среди роскоши буржуазной цивилизации целые сотни рабочих прогоняются с фабрик и заводов. В Петербурге их ждет голодная смерть, а в деревне становой, высекающий подати. Тысячу раз прав Николай Гаврилович — такая свобода ничто иное, как наглый обман. А между тем за эту святую истину одного из величайших экономистов нашего времени сослали на каторгу; да и не одного его, начиная от Радищева и Новикова и кончая последними политическими процессами, идет целый ряд народных заступников; все эти декабристы, петрашевцы, каракозовцы, нечаевцы, долгушинцы и лучшие представители теперешней нашей молодежи или повешены, или на каторге, в тюрьме...». Остальная часть речи не имеет прямого отношения к Чернышевскому.

По поводу Казанской демонстрации была выпущена особая листовка, в которой речь Плеханова передана несколько иначе, чем в «Набате» (текст взят из «Вперед») ¹³.

Казанская демонстрация, напоминая о Чернышевском, послужила как бы своего рода сигналом: в заграничных изданиях 1877—1879 гг. с новой энергией поднимается вопрос о вилюйском заключенном, о варварской расправе с ним и его бесконечных страданиях. Об одной из таких статей (корреспонденция в газете «Начало») было уже сказано выше.

В V томе «Вперед» (1877) имеется статья «Каторга и былое время». В предисловии к этой статье от редакции говорится о положении Чернышевского. «Пример Чернышевского, положение которого после отбытия наказания стало еще хуже на «поселении», чем было на каторге, опять указывает на то, что ныне ненаказание тяжелее, чем прежде было наказание. Кстати сказать здесь о Н. Г. Чернышевском, на котором еще до сих пор не истощилась мстительность палачей. Нам сообщают, что его положение в ссылке все хуже и хуже. Под влиянием местных климатических условий у него будто бы стали расти зоб. Когда, наконец, прекратится это варварство! Когда звери получат заслуженное сто тысяч раз возмездие!»

В «Набате» 1879 г. о Чернышевском заговорил эмигрант П. Ф. Алисов (в статье «Александр II Освободитель». В том же году вышло отдельное издание). «Самое крупное умственное убийство, самое позорное злодеяние Александра II—ссылка на каторгу Н. Г. Чернышевского. Правительство ясно почувствовало, что такого мощного бойца, как Чернышевский, трудно направить по тропиночке благочестия; ирония его была остра, как бритва, его трезвый ум не шел на компромиссы, его взгляды чересчур резко расходились с доморощенным, дозволенным либерализмом. Нужно было расправиться сурово, по-азиатски с личностью писателя, смеющего жить глубоко-самостоятельно умственной жизнью!» Рассказ о средствах, к которым прибегло правительство относительно Чернышевского, и об его страданиях Алисов заключает словами: «У кого тлеет хоть искра души, поймет, что вынес этот невинный мученик, с громадными умственными потребностями, с жаждой жизни и деятельности 16 лет захлопнутый в своем каменном гробу! Есть нравственные страдания до того ужасные, что перед ними тускнеет распятие, прокатывание на гвоздях кажется отдыхом».

В ряде статей и заметок говорит о сосланном Чернышевском возникшее в 1877 г. «Общее Дело». Даже в сатирическом «Опыте словаря российских современников» В. А. Зайцева (1878, № 13) перечисление некоторых сенаторов, монстров и подлецов, заключается так: «Наконец, цвет всего сонмища Чема дуров, автор фальшивого письма, посредством которого ухитрились пожертвовать г. Чернышевского дикой злобе нашего Навуходоносора». В № 22 (1879) редактор А. Х. Христофоров говорит («Bête noire»), что в свое время bête noire для Александра II был Чернышевский, который вследствие этого и был отправлен на каторгу без всякой тени юридических доказательств его вины. Христофоров обращает внимание на то, что люди, сосланные на каторгу по политическим делам и действительно имевшие против себя юридические улики, отбыли каторгу, потом поселение и давно уже на основании разных манифестов вернулись в Европейскую Россию, а Чернышевский без всяких улик бесконечно томится в сибирской трущобе.— В том же номере помещена статья П. Алисова «По поводу овадий Тургенева». «На седую голову Тургенева, — так кончается статья, — много, очень много посыпалось лавровых венков. Но не знаю почему, чем более я прочитываю об овадиях, тем назойливее, больнее преследует меня образ другого писателя. В занесенной снегом пустыне, в убогой, промерзлой лачужке, с вооруженными солдатами у дверей, тихо домучивается великий страдалец. Рано поседевшая голова его уже одружилась с терновым венком; лавровый—увенчает его могилу. Не радостные приветствия и теплые братские речи раздаются вокруг него, но погребальные напевы, снежные вьюги, дикие завывания волчьей стаи. Пожираемый скорбутом, мертвящею тоскою, больной, голодный, он работает по ночам, при свете салальной свечи, и поздний сон вряд ли уносит его в роскошные, светлые залы, где в блестящих бокалах искрится шампанское, а в юных глазах веселье. Шестнадцать лет прошло, как палачи завалили склеп тяжелым камнем, и невыносимо стало дышать в нем».

Из отдельных книг, вышедших за границей в 70-е гг., следует назвать в связи с нашей темой «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» В. В. Берви-Флеровского (Женева, 1877. Вышла анонимно). Этот роман, посвященный изображению революционеров, никогда не пользовался успехом, а теперь совершенно забыт, что и понятно: произведение Берви, необыкновенно объемистое и тягучее, не показывает в авторе никакого художественного таланта. Роман интересует нас здесь потому, что в нем имеется письмо Павла Скрипицына с изображением общественного движения начала 60-х гг. Образ Скрипицына — в значительной степени автобиографический; то, что говорит Скрипицын, выражает мнение самого автора. Вот в каком виде рисует Берви в романе последователей Чернышевского. «Плывут наверху и господствуют над течением доморощенные фурьеристы. Посмотрите, как они вдруг возмужали, какими они стали прекрасными». «Не пустым, не ничтожным должно быть это движение, оно должно быть

мужественным и великим». «Вот что написано на их знамени, вот что они повсюду повторяют непрерывно, и общество слушает их с воодушевленным восторгом. С какой силой, с каким остроумием вооружаются они против полумер, против половинных стремлений, против разговоров, не имеющих достаточно смелости, чтобы перейти в дело». «Не сечь, так не сечь, какой это прогресс не сечь только по праздникам» и т. п. Они превосходно умеют принять эффект и величественное положение. Они проповедуют деятельность самую рискованную, и ради великих, а не маленьких целей; но в то же время они говорят обществу, что они действуют не из какого-нибудь самоотвержения, им не надо короны мучеников, они действуют из эгоизма и проповедуют, что эгоизм есть руководитель всех человеческих действий. Общество омотрит на них и чувствует, как прекрасно это величие, которое не хочет для себя ореола, которое уверяет их, что все, что оно делает, очень просто, что каждый может так же сделать».

«Все это прекрасно и эффектно, — продолжает Скрипицын-Берви, — имеет не только внешнее, но и внутреннее достоинство; я чувствую, что общество увлекается ими именно потому, что это то, что ему нужно, и все-таки я не могу идти вместе с ними. В них есть внутреннее противоречие, с которым нельзя примириться». Берви доказывает, что не проповедь эгоизма нужна русскому обществу: нужно учить его не жить на счет народа, а стремиться к умственному и нравственному развитию масс. Без изменения взглядов образованного общества на свои потребности бесполезны освобождение крестьян, уничтожение откупов, постройка железных дорог, преобразования в организации общественной власти и пр. Не следует повторять ошибок, сделанных нашими предшественниками: когда Бентам, Адам Смит и другие проповедывали философскую теорию эгоизма и противопоставляли ее учениям самоотвержения, шедшим от духовенства, то они этим самым боролись с застоем и невежеством, их пропаганда была делом прогрессивным, но время показало недостатки того оружия, которым они боролись. По мнению Берви, именно вследствие учений о величии эгоизма, укоренившихся в английском обществе, народные массы ввали в Англию в крайнюю нищету и испытали жестокие страдания. «Могу ли я поддерживать, могу ли идти рука об руку с движением, которое повторяет такую фатальную ошибку, которое проповедует социальные учения и само засыпает камнями те гряды, на которых сажает оно свои растения? Писать я положительно не имею возможности: так писать, как они хотят, я не могу, а если я пытаюсь так писать, как по моему убеждению надобно, я не нахожу органа, я диссонанс в их гармонии».

После этого общего изображения «доморощенных фурийеристов» выведен на сцену сам Чернышевский. «На днях я возвращаюсь домой, — продолжает Скрипицын, — и нахожу у себя визитную карточку Чернышевского; я незнаком с Чернышевским и понял, что он почему-нибудь заключил, что ему нужно увидеть меня, и пошел к нему. Мне пришлось объясняться с ним, и не трудно было заметить глубокое впечатление, которое произвело на него холодное и отчетливое изложение моего безотрадного взгляда на мою роль; но по тому, как стали вести себя со мною после этого близкие к нему люди, я увидел, что он хочет меня переделать — в настоящем моем виде я диссонанс в их гармонии. Ту жгучую боль, которую он мне этим причинил, я так же живо чувствую теперь, как в первый момент. Я чувствую ее потому, что во мне нет ни малейшего сомнения, что между нами Чернышевский самый серьезный и светлый человек; здесь я вижу только одного, которого я бы мог поставить на ряду с ним — это Огрызко. В интеллектуальном отношении Чернышевский несомненно сильнее Огрызко, но Чернышевский пропагандист, он всех людей хочет переделать по своему. Наши все таковы; самый ничтожный редактор хотел бы, чтобы все его сотрудники были только статуями, отлитыми с его фигуры; он искажает и коверкает их произведения немилосердно. Огрызко не выработал из себя составителя и руководителя партии... Из числа наших Герцен скорее мог бы быть руководи-

телем партии, но он в Лондоне; из Лондона же можно быть только звеном, а не центром» (стр. 109—110).

Можно сказать с уверенностью, что Берви здесь не измышляет, а говорит о подлинных своих сношениях с Чернышевским. Что под «доморощенными фурыеристами» он подразумевает именно Чернышевского и его последователей, это ясно из самого изложения мнений этих фурыеристов. Кроме того, можно сослаться на следующее место из автобиографии Берви: «Возродился или лучше сказать расцвел старый идеал времен Петрашевского — идеал Фурье. Чернышевский кончил тем, что в знаменитом своем романе «Что делать?» проповедывал этот идеал... Учение Фурье, получивши облик нигилизма, подняло революционное знамя»¹⁴. Как видно, Берви оценил исключительную умственную и моральную высоту Чернышевского (хотя сопоставление его с Огрызко производит странное впечатление), но теории Чернышевского вызвали в нем решительный протест. Идеалист по всему своему мировоззрению, Берви увидел в знаменитой теории «разумного эгоизма» нечто враждебное для себя; такое философски-этическое обоснование поведения людей было для него совершенно неприемлемо. «Чем больше он (Павел Скрипицын, т. е. сам Берви) думал, тем яснее понимал, что из эгоизма нельзя построить никакой общественности, что все неизбежно вырождается в господство силы и притеснения. Диалектически и искусственно толковать слово «эгоизм» в то время, когда масса будет все-таки понимать его по своему, казалось ему верхом легкомыслия и бестактности». По мнению Берви, обществу, только что вышедшему из огрубляющих и отупляющих условий николаевщины, нужно было проповедывать не удовлетворение своих потребностей, — общество и так склонно к этому, — а развитие в себе новых, более благородных стремлений, связанных с чувствами общественной симпатии и солидарности.

В. В. Берви, приобретший в 70-х гг. большую популярность среди революционно настроенной молодежи, как автор «Положения рабочего класса в России» и «Азбуки социальных наук», имел мировоззрение довольно путаное, но своеобразное, и в истории развития русской общественной мысли стоял всегда несколько особняком. В 60-е гг. он не нашел контакта с основным течением передовой мысли, во главе которого стоял Чернышевский. Роман «На жизнь и смерть» вскрывает это очень определенно.

Из других книг 70-х гг. можно упомянуть еще написанную популярным языком книжку З. К. Ралли «Сытые и голодные» (Женева, 1875 г. Издана анонимно), в которой отводится место и Чернышевскому (стр. 418—419, 416—417); автор говорит о значении для «голодного народа» пропаганды Чернышевского в «Современнике» и о постигшей его каре.

Сочинения самого Чернышевского в 70-х годах продолжали издаваться за границей. В 1871 г. вышла книжка «Труден ли выкуп земли?». В 1872 — «Статьи об общинном владении землею» (в 1873 г. эта книга вышла новым изданием, как V том «собрания сочинений» Чернышевского). В 1874 — «Кавеньяк», «Община и государство», «Письма без адреса». В 1875 — «Антропологический принцип в философии», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». В 1876 — «Июльская монархия», «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность», «Что делать?» (2-е издание). В 1877 — «Пролог пролога». В 1879 г. — «Научились ли?»

К тексту некоторых из этих изданий («Лессинг», «Что делать?») прибавлен очерк «Суд над Чернышевским», дающий краткие биографические сведения о писателе и рассказ о суде. В конце автор упрекает либеральное общество и бывших товарищей Чернышевского в том, что они ничего не сделали для его освобождения. «А что же сделало в продолжение 14 лет либеральное общество к облегчению каторжника? Попытались ли, наконец, со взломом освободить из тюрьмы Чернышевского те редкие экземпляры, которые называются товарищами каторжника? С грустью нужно сознаться, что эти последние не только не имели

храбрости создать экспедицию, создать комплот, хотя бы в правительственной машине, на освобождение Чернышевского, комплот, который мог бы быть занесен на страницы русской истории, как доблестный поступок, как доказательство редкого мужества, — у этих «товарищей» даже не достало гражданской храбрости плюнуть в глаза русскому бессудию — судьям Чернышевского. Страшным пятном ляжет на либеральную Россию, если кто-нибудь из царственных особ окажет Чернышевскому «высочайшую милость». Терпеть «милости» такое же преступление, как допускать государственные подлоги, умиляться черным преступлениям царствования Александра II». Автор (ловидимому, Эллидин) не мог не знать о производившихся в 1871 и 1875 гг. попытках освободить Чернышевского «со взломом» и о полной безнадежности таких попыток. По всей вероятности, у него была тайная надежда, что таким путем можно будет внушить Александру II мысль «помиловать» Чернышевского и тем как бы нанести удар «либеральному» обществу. С этим можно сопоставить то, что говорит Эллидин в предисловии к V тому (1879): рассказав, будто бы б. шеф жандармов граф Шувалов настоял в Государственном совете, чтобы все законы смягчения миновали Чернышевского, он добавляет: «Царь, полправ ногами свои законы, обычай освобождать заключенных по случаю царских радостей, родин и свадеб, согласился на требования жандарма и этим самым подписал себе свой собственный приговор» (разрядка наша.—М. К.). Здесь Эллидиным, конечно, руководила мысль побудить царя к помилованию Чернышевского путем застрахивания его смертью.

Из публикаций текста Чернышевского, сделанных в 70-е годы за границей, особенно большой интерес представлял «Пролог пролога», как публикуемое впервые произведение. Роман был издан группой «Вперед» в Лондоне в 1877 г. В предисловии от издателей говорится, что читателям некоторые выводы, которые можно сделать из романа, покажутся несовпадающими с принципами, проводимыми группой «Вперед». «На это мы можем заметить, что роман, предлагаемый читателям, по преимуществу касается одного весьма важного вопроса, а именно: крестьянской реформы 1861 г., и в этом вопросе мнение автора романа вполне совпадает с направлением, которого всегда держался «Вперед». Автор удивляется не тому, что кое-что в романе устарело, а, наоборот, той массе здравых суждений, которые рассыпаны по всему произведению, и той глубине мысли, которая там проявляется на каждом шагу. Относительно действующих лиц романа предисловие обращает внимание на то, что Волгин, Левицкий, Соколовский, Рязанцев, Савелов, граф Чаплин и др.—портреты живых лиц, с поразительной точностью срисованные живою рукою.

Опубликование Лавровым «Пролога» вновь обострило вопрос о юридическом и моральном праве эмигрантов издавать сочинения Чернышевского. Впервые этот вопрос встал в 1867 г., когда Эллидиным была выпущена первая книга Чернышевского «Что делать?». По желанию А. Н. Пышина Суворин («Незнакомец») поместил тогда в «С.-Петербургских Ведомостях» (№ 208) статью, в которой объявлял заграничное издание Чернышевского «контрфакцией». По поводу подобных обвинений в предисловии к «Что делать?» 1867 г. совершенно правильно было сказано следующее: «...Имеем ли мы право распоряжаться так бесцеремонно чужою литературною собственностью? Юридического права у нас нет. Мы не запасались, да и не могли запастись никакими контрактами с наследниками Чернышевского, мало этого, не могли даже попросить у них разрешения предпринять это издание, по той простой причине, что мы не добились бы от них даже и отрицательного ответа. Между тем, в России, при теперешних обстоятельствах, подобное издание положительно невозможно, следовательно, для наследников Чернышевского право на его сочинения скорее мертвая буква, чем действительная собственность. Стоило ли, ради этой мертвой буквы, не обращать внимания на выставленную выше необходимость дать публике полное собрание

сочинений Чернышевского? Мы думаем, что нет». В 1877 г., когда до Пыпина дошли слухи о намерении Лаврова напечатать «Пролог», он, при посредстве Драгоманова, вступил с ним в переписку, убеждая не делать этого (о том же писал Лаврову и М. А. Антонович). Когда «Пролог» был все-таки напечатан, Пыпин поместил в берлинской газете «Post» (за январь 1878) статью с «категорическим обличением этого воровства». Мало этого: в 1877 г. Пыпин подал докладную записку председателю Литературного Фонда, а позже, в феврале 1881 г., записку о деле Чернышевского Лорис-Меликову. В обеих этих записках, особенно во второй, он, по поводу издания за границей сочинений Чернышевского, обрушивается на эмигрантов с клеветой и руганью, говорит об «ошалевшем философе Лаврове», «нечистом на руку Бакуanine», «воровстве», «червонных валетах» и пр.¹⁵

В том же 1877 г., в котором вышел «Пролог», группа «Набат» переиздала в Женеве под заглавием «Общество и государство» две статьи Чернышевского («Критика философских предубеждений»... и «Экономическая деятельность и законодательство»), воспользовавшись этим случаем, чтобы выступить в защиту своих политических принципов. Автор предисловия (по всей вероятности, П. Н. Ткачев), говорящий от имени «социалистов-революционеров государственников», находит в статьях Чернышевского аргументы как против «рыцарей мирного прогресса, сторонников черепаший постепенности», — «исконных врагов всякого революционного движения», так и против своих «союзников и соратников, революционеров-анархистов». Беря конкретный вопрос о русской общине, автор напоминает, что уже полтора десятка лет назад противники общины говорили о несовместимости ее сохранения с высшими формами землевладения. То же повторяют и новейшие сторонники мирного прогресса. Однако, Чернышевский в статье «Критика философских предубеждений» блестяще доказал, что общественные учреждения вовсе не должны у каждого народа необходимо проходить все логические моменты развития: возможен ускоренный процесс, скачок с нижней ступени на высшую, если отсталый народ подвергается влиянию передового народа. Значит, умозаключает автор, этот же факт должен повторяться, когда передовая часть народа, его умственно и нравственно развитое меньшинство подчинит своему влиянию остальную его часть. «Таким образом для осуществления непосредственного перехода общества вообще или какого-нибудь общественного учреждения (напр., общины) из нижней стадии общественного развития в высшую необходимо вмешательство государства, руководимого и направляемого людьми, усвоившими себе идеалы, соответствующие этой высшей стадии».

Вторая статья Чернышевского, говорит Ткачев, неопровержимо доказала, что анархия, т. е. ликвидация государства, есть одна из самых нелепых и неосуществимых утопий. Необходимость государства вытекает из несоразмерности человеческих потребностей со средствами их удовлетворения; поэтому оно может быть уничтожено лишь тогда, когда прекратится эта несоразмерность, т. е. в более или менее отдаленном будущем. Это будущее можно приблизить при том условии, если передовое меньшинство захватит в свои руки государственную власть.

Таким образом, заключает «Предисловие», две печатаемые статьи Чернышевского дополняют одна другую. Первая указывает на возможность и необходимость перехода нынешней первичной формы общинного землевладения в высшую форму. Вторая определяет практическое средство, при помощи которого должен осуществляться этот переход.

К некоторым другим брошюрам Чернышевского тоже даны краткие предисловия. В предисловии к брошюре «Кавеньяк» С. Жеманов указывает полную современность статьи о Кавеньяке, так как критическая оценка, данная Чернышевским событиям и людям 1848 и следующих годов, вполне применима и к

эпохе 1870—1874 гг. Так, роль народного палача вместо Кавеньяка сыграл Тьер и т. д. По поводу брошюры «Научились ли?» Эллидин говорит, что как в начале 60-х гг., так и в конце 70-х в реакционных кругах одинаково обвиняли студентов в том, что они не хотят учиться.

В нелегальной прессе начала 80-х гг., к которым мы переходим, попрежнему используются все поводы, чтобы снова и снова поднимать вопрос о сосланном Чернышевском. Так, в связи с открытием памятника Пушкину в Москве и пушкинскими торжествами, А. Х. Христофоров в 36-м № «Общего Дела» говорит, что если бы Пушкин жил в настоящее время, то он или умер бы в Сибири в самом начале своей деятельности, как М. И. Михайлов, или прозябал бы в отдаленных пустынях, где догорает жизнь Чернышевского. П. Алисов в том же номере высказывает надежду, что хоть и не скоро, но наступит время, когда будут поставлены памятники Герцену, Огареву, Чернышевскому, Михайлову, Добролюбову и др.

В 1880 г. исполнилось 25-летие царствования Александра II. Н. А. Белоголовый в статье «Характеристика 25-летия» («Общее Дело», 1880, № 33—34) не преминул, говоря об отношении Александра II к науке и литературе, особо остановиться на судьбе Чернышевского. «Без сомнения, это был самый замечательный человек в лучшем значении слова настоящего царствования—и какая же участь постигла эту промадную нравственную силу?» Своею участью Чернышевский обязан, по словам Белоголового, исключительно какой-то личной ненависти к нему царя, который при двух амнистиях собственноручно вычеркивал его имя из общего списка. «...Декабристы не выносили и десятой доли тех преследований, которые достались в удел Чернышевскому, а декабристы покушались на свержение с престола и самую жизнь Николая. Чернышевский, сколько известно, не был активным политическим агитатором, не принимал участия ни в каком заговоре; неужели какое-нибудь острое слово, едкая насмешка над личностью помазанника в состоянии были так раздражить последнего и его мелкое самолюбие, что он в течение 20 лет не перестает преследовать несчастного? Невероятно, но едва ли это не так». Без сомнения, Белоголовый здесь сознательно обрисовывал Чернышевского каким-то совсем невинным в политическом отношении человеком; равным образом, он, конечно, знал, что никаких едких насмешек над царем ему не ставилось в вину.

В 1881 г. «Вольное Слово» упомянуло о Чернышевском в связи с заседаниями конгресса Международного общества литераторов. В № 8-м сообщалось о том, что на втором заседании (21/9 сентября) упомянутого конгресса в Вене француз Ратиобон напомнил собранию участь Чернышевского и предложил «обратиться к великодушью и справедливости» Александра II и просить его об освобождении замечательного писателя. В части собрания это вызвало бурные рукоплескания; другие (француз Бело, поляки) стали энергично протестовать. Поднялось большое возбуждение, вследствие которого председатель закрыл собрание и тем сорвал предложение Ратиобона.

Без всякого внешнего повода в № 50-м «Общего Дела» было напечатано стихотворение Некрасова Н. Г. Чернышевскому («Не говори: забыл он осторожность...»), при чем был помещен и последний куплет, выброшенный цензурой из собрания стихотворений Некрасова:

Его еще покамест не распяли,
 Но близок час — он будет на кресте;
 Его послал бог гнева и печали
 Рабам земли напомнить о Христе.

В 1881 г. вопрос об амнистии Чернышевского был впервые поднят в легальной прессе: в 7-м № газеты «Страна» (от 15 января) появилась статья об этом, на которую откликнулись другие издания («Юридический Вестник», «Московский

Телеграф» и др.). За границей на эту статью отозвалось «Общее Дело» (№ 39, «Корреспонденция из Петербурга»). Статья «Страны», говорится здесь, сорвала маску либерализма с правящих кругов. Статья сказала: освободите Чернышевского и докажите этим хоть то, что в вас не угасла еще последняя искра совести. «Они отказали, и этим торжественно обнаружили всю непроглядную темноту своих душ. Образ Чернышевского, как тень Байко, явился на либеральное пиршество тирана и смутил ликующих. Из своего далекого снежного склепа он неведомо и неожиданно нанес им тяжелый удар по бесстыдным лицам. Всего больше этот удар опразился на личности самого царя». До сих пор многие близоручие люди признавали царя лично добродушным и объясняли его действия неведением или заблуждением. Относительно Чернышевского на это ссылаться нельзя: царь живо интересовался его делом и лично следил за ним. Чернышевского продолжают морить в Вилюйске исключительно по пошлой мстительности и тупому злопамяству «царя-реформатора», который почему-то считает его своим личным врагом.

В связи с разговорами об амнистии Чернышевского в ближайшее время (в «Вольном Слове» 1882, № 4 передавался даже слух, что он уже амнистирован, или, вернее, что ему разрешено выехать за границу) в нелегальной прессе сообщались в это время довольно часто сведения о положении Чернышевского, при чем особенный упор делался на то, что он несчастен, болен и пр. По какой-то ошибке иногда местом его пребывания стали называть Нижнеколымск или Верхнеколымск. Первый эту ошибку сделал «Набат», напечатавший (1881, № 4), что Чернышевский из Вилюйска переведен в Нижнеколымск. В «Народной Воле» № 8—9 (1882, статья «Тюрьма и ссылка») говорится, что в Нижнеколымске построена центральная тюрьма для политических, куда, по слухам, переведен Чернышевский. «Без сомнения, Нижнеколымск будет и могилою этого знаменитого человека, так как он теперь уже измученный дряхлый старик». В корреспонденции из Якутской области в оборнике «На Родине» (№ 2, 1882) рассказывается о жизни Чернышевского в Верхнеколымске; сведения эти, конечно, должны быть отнесены к Вилюйску. Корреспонденция говорит о ничтожных размерах и о таком же населении этого городка, о том, что Чернышевский, за неимением квартир, живет при полиции, не имеет никаких книг, пишет что-то по ночам и потом сжигает, занимается работой на огороде и пр. При вполне аскетическом образе жизни он будто бы не издерживает даже тех грошей, которые отпускаются ему от казны. «Здоровье Чернышевского очень плохо, он постарел и одряхлел. В городе он пользуется всеобщим уважением, и население считает его даже святым. Разумеется, это происходит не оттого, что кто-нибудь здесь мог понимать его научную и общественную роль. Перед Н. Г. преклоняются за его ум, редкую гуманность, его истинную святую жизнь и ту твердость, с которой он несет свой тяжелый крест».

Приблизительно в таком же роде (за исключением таких неправильных сведений, как то, что Чернышевский не имеет книг, не тратит целиком даже казенного содержания и пр.) сообщение о Чернышевском находится в «Вольном Слове», № 56. Корреспонденту, который был довольно близко от Вилюйска, со слов бывших стражников Чернышевского стало известно о некоторых его странностях, образцы которых он и привел. Корреспонденция заканчивается уже и раньше ставившимся вопросом: по какому закону Чернышевский был лишен поселенческих прав и возможности жить повсюду в Восточной Сибири? «Можно говорить словами просьбы о помиловании Н. Г., но пора сказать и словами требования о нарушении закона по отношению к Н. Г. Чернышевскому».

В № 58 «Вольного Слова» опровергается один ложный слух о Чернышевском, появившийся в венской газете «Wiener Tageblatt», а именно о том, что Николай Гаврилович помешался. «На этот раз Тряпичкины «Wiener Tageblatt», ко-

ничью, просто переврали помещенное у нас сведение о «странностях» Н. Г. Чернышевского».

Последняя по времени из статей, касающихся пребывания Чернышевского в ссылке, это «Хроника» Н. А. Белоголового («Общее Дело», 1883, № 53) в той ее части, где говорится об отношении русского правительства к литературе — Пушкину, Лермонтову, Салтыкову. «Чернышевский, говорят, не перестает писать и теперь, в своей ледяной вилюйской тюрьме, но уничтожает сам все, им написанное; и сколько подвергается таким образом самоуничтожению высоких, талантливых мыслей и плодотворных семян, которые могла бы оставить в наследие человечеству такая одаренная натура, как натура Чернышевского». Автор с горечью высказывает надежду, что «так лет через 50 будет воздвигнут памятник и великому мученику Чернышевскому, и Салтыкову»¹⁶.

6 июля 1883 г. по докладу министра юстиции Набокова окончательно состоялось разрешение Александра III на переезд Чернышевского под надзор полиции в Астрахань. В статье С. Н. Кривенко — «Новая эра» («Листок Народной Воли», 1883, № 1, июль), посвященной мероприятиям правительства по случаю коронации, естественно, говорится только еще о слухах на счет освобождения Чернышевского. «Таким образом, для крестьянства — дворянская эра, для лучшей и самоотверженной интеллигенции — издевательство и мучительная смерть. Говорили еще об освобождении и возвращении на родину Чернышевского, который подходит под манифест».

«Слух этот поддерживается и до сих пор придворными вестовщиками, но все не переходит в действительность, а если паче чаяния и осуществится, то, конечно, прежде всего в видах желания — показать растоптанной русской интеллигенции, что из нас можно сделать. Показать на горизонте страдальческое, с потухшим взором, лицо старика, бывшего некогда гордостью целой России, — вещь очень внушительная, вроде насаживания на штыки и колья голов побежденных».

В № 55 «Общего Дела» (сентябрь) передается, — правда, как о слухе, — что Чернышевскому разрешено переехать в Астрахань и что он уже находится в пути. «Хотя Астрахань тоже порядочное захолустье, но это не Вилюйск, и все же нашему 60-летнему мученику легче будет доживать свою жизнь, столь искалеченную преследованиями правительства, не будучи в такой дали от семьи, с которой он был разлучен более 21 года. От души желаем, чтобы слух этот подтвердился».

Все еще как о слухе говорит о выезде Чернышевского из Сибири и «Хроника внутренней жизни» в «Листке Народной Воли» 1883, № 2 (октябрь). «Чернышевского решено перевести в Астрахань, куда он, по слухам, уже едет. Пункт и время для пути выбраны, как нарочно, такие, чтобы окончательно сломить здоровье несчастного старика. Прощение его детей о смягчении его участи было подано еще в марте. Постановление о переезде состоялось в августе, а переводят его только теперь, в октябре или ноябре»¹⁷.

Некоторые сведения о самочувствии Николая Гавриловича по его приезде в Астрахань попали в русские нелегальные издания из западно-европейской прессы. Корреспондент английской газеты «Daily News» посетил Чернышевского в Астрахани вскоре после его появления там и рассказ о своем посещении и о беседе с Чернышевским напечатал в номере названной газеты от 23 декабря 1883 г. Основное из этого рассказа было передано в «Общем Деле» 1883, № 57 и «Вестнике Народной Воли» 1884, № 2¹⁸.

Больше сообщений фактического характера о Чернышевском в нелегальной прессе 80-х гг. до кончины писателя не было. Несколько слов о попытках к его освобождению из Сибири оказал Лавров в своей заметке о Г. А. Лопатине (приложение к книге «Процесс 21-го», Женева, 1888). Лопатин, по словам Лаврова, будучи арестован, не терял надежды не только на собственное освобождение, но и на осуществление нового плана освобождения Чернышевского. Это был, в сущности, тот план, который позже неудачно пытался выполнить Мышкин. У Лопатина все

частности были гораздо тщательнее обдуманы, и вероятность успеха была более велика.

О смерти и похоронах Чернышевского говорит газета «Знамя», выходившая в Нью-Йорке¹⁹. В № 1 за 1880 г. там напечатана заметка «Последняя дань» о похоронах Чернышевского в Саратове и о манифестации по этому поводу в Петербурге. В 6-м № корреспондент «Знамени» рассказывает о собраниях в Петербурге и провинции в связи со смертью Чернышевского и об отношении общества к умершему писателю. «Ищут зачинщиков. Не могут понять, что при одном имени Николая Гавриловича Чернышевского звучат лучшие человеческие струны в сердце каждого не оплошавшегося человека».

Переходя к тем произведениям—очень немногочисленным за 80-е гг.,—которые дают цельную характеристику Чернышевского или останавливаются на какой-нибудь отдельной стороне его идейного наследства, укажем прежде всего на известное письмо Карла Маркса с отзывом о Чернышевском, напечатанное в № 5 «Вестника Народной Воли» (1886). Маркс писал Михайловскому: «В приложении ко второму немецкому изданию «Капитала» я с глубоким, вполне им заслуженным уважением говорю о «великом русском ученом и критике». Этот ученый в своих замечательных статьях решал вопрос о том, должна ли Россия начать с разрушения сельской общины, переходя к капиталистическому строю (как хотят либеральные экономисты), или, напротив, она может усвоить все плоды этого строя, не переживая сопряженных с ним мучений и развиваясь сообразно своим собственным историческим данным. Сам он высказывался за последний исход».

Несколько раз писал о Чернышевском в 80-е гг. М. П. Драгоманов. В одном случае он полемизирует с Чернышевским по польскому и русинскому вопросу, имея в виду статью последнего 1861 г. «Национальная бестактность» (книжка Драгоманова «Историческая Польша и великорусская демократия», Женева, 1882). Чернышевский в названной статье видел «национальную бестактность» в поведении галицко-русских политиков и выступал против львовского «Слова». Он полагал, что национальный вопрос нужно заменить классовым. «Очень может быть, что при точнейшем рассмотрении живых отношений львовское «Слово» увидало бы в основании дела вопрос, совершенно чуждый племенному вопросу,—вопрос сословный. Очень может быть, что оно увидело бы и на той и на другой стороне и русинов и поляков—людей разного племени, но одинакового общественного положения. Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен obligation повинностей и вообще быта русинских крестьян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельцев русинского племени по этому делу много отличались от чувств польских землевладельцев. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в сословных, а не племенных отношениях». Разумеется, националистически настроенный Драгоманов не мог согласиться с такой постановкой вопроса и упрекал Чернышевского в незнании местных условий.

В двух других статьях Драгоманов, говоря о Чернышевском, попутно стремится изобразить его не революционером и социалистом, а чем-то вроде мирного конституционалиста, на манер самого Драгоманова. «В 60-е гг., когда между прочим вследствие подготовки общества пропагандой этих русских социалистов 40-х—60-х гг. освобождение крестьян стало практическим вопросом, социалисты, вроде Герцена и Огарева и даже вроде Чернышевского, оставляя в стороне формулы школьного социализма, посвящали всю свою практическую энергию вопросу о выкупе крестьянами наделов». («Мирный и умеренный элемент в русском социально-революционном движении», «Вольное Слово» 1883, № 61—62). «Не мешает отметить, что Н. Г. Чернышевский, который у последующих поколений получил репутацию социалиста-революционера (хотя действительное отношение его к петербургскому революционному движению 1861—1862 гг. осталось невыясненным) и противника конституционализма (главным образом, на основании его статей о Франции), в «Письмах без адреса», изданных под его именем в 1875 г., но пи-

санных в 1862 г., выражал полное сочувствие либеральному движению в дворянстве («Земский либерализм в России», «Свободная Россия», 1889, № 1).

Общий очерк деятельности Чернышевского, данный в «Знамени» («Н. Г. Чернышевский», «Знамя», 1880, №№ 1 и 2. Подпись «У»), не отличается оригинальностью. Автор говорит о Чернышевском, как об основоположнике социализма в России, творце «русского социализма». «История закрепит за Чернышевским лучезарную славу предвозвестника и борца за социалистическую идею. Вся деятельность его клонилась к одной цели: направить все лучшие силы России в социалистическое русло, положить начало социалистическому движению ранее, чем успеют возникнуть более определенные формы капиталистического строя и власть превратится в покорную служанку буржуазии... Он был не только переводчиком западных социалистов, он усвоил их учение и создал русский социализм».

«В том же «Знамени» (1870, №№ 4, 5, 6)²⁰ напечатан очерк П. Л. Лаврова «Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской общественной мысли» (это — речь, произнесенная Лавровым после смерти Чернышевского на одном собрании в Париже). Лавров выясняет, что собственно дала русскому обществу пропаганда Чернышевского в «Современнике». «Необходимо было внести ясность в смутное поклонение Западу и в не менее смутное славянофильское народничество. Приходилось, во-первых, подвергнуть пересмотру под грозным наблюдением цензуры все фетиши Запада, даже рискуя слишком грубо затронуть некоторую долю живых элементов, охваченных этими фетишами. Приходилось, во-вторых, отыскать центральный пункт нового миросозерцания, который установил бы прочную и здоровую почву теоретической критики идей, людей и событий, при чем этот центральный пункт миросозерцания должен был быть доступен для большинства читателей, очень мало привычных к философскому мышлению. Приходилось, наконец, в виду умственной и политической неподготовленности общества, поставить выше всего остального требование ясности и простоты в построении миросозерцания и в приложении его к вопросам дня, даже на счет точного анализа сложных вопросов. Именно эти три задачи взял на себя «Современник» под руководством Николая Гавриловича Чернышевского».

Критика Чернышевского, говорит Лавров, была резка и не всегда справедлива в частности, но ему приходилось в возможно короткий срок создать определенное течение мысли в обществе, где все представления были очень спуганы. Более тонкими приемами едва ли можно было достигнуть поставленной цели. Своею строгою — подчас слишком строгою — и насмешливою — подчас слишком насмешливою — критикою людей и идей «Современник» подготовил новое поколение, которое отреклось от всех идеалов старины для того, чтобы все принести в жертву своим социально-революционным идеалам. При более осторожном отношении к вопросам нельзя было бы оказать такого могучего влияния на несколько поколений, какое имел Чернышевский. Читатель, каким он был в начале царствования Александра II, не понимал всей сложности вопросов экономических, политических, религиозных и нравственных, подлежащих разрешению; он видел и принимал ряд готовых решений, привлекательных по их жизненности и по талантливому, общедоступному их изложению. Пройдя школу «Современника», русская интеллигенция потом поняла всю сложность стоящих перед ней вопросов, но уже не могла отвернуться от них и принялась за их решение во всей их серьезности. «Позволительно поставить вопрос: многие ли деятели истории имели и имеют право сказать, что они сделали более, чем тот, кому принадлежит инициатива и руководство в этом движении?».

В этом подводящем окончательные итоги суждении о Чернышевском Лавров усиленно подчеркивает такие особенности его пропаганды, как ясность, общедоступность, общепонятность; он не забывает отметить, что решение вопросов нередко было у Чернышевского недостаточно тонко, что он был не всегда справедлив и пр. Одним словом, Лавров находит у Чернышевского сильную тенденцию к упрощенчеству в системе проповедывавшихся им взглядов, хотя

и оправдываемую вполне условиями исторического момента. Что же касается самой сущности «антропологического материализма» и социализма Чернышевского, то Лавров уклоняется от ответа и опять напирает на «общедоступность».

«На это миросозерцание можно смотреть очень различным образом, и я не имею в виду в настоящую минуту ни защищать, ни опровергать его. Мое дело указать его главные черты и ту промадную роль, которую оно могло играть в русской интеллигенции именно вследствие особенных условий, в которых она была поставлена, и вследствие потребности в ясности и определенности, которые были одним из условий усиленного действия на эту интеллигенцию в эту эпоху».

Особого интереса заслуживает то, что писал в 80-е гг. о Чернышевском Г. В. Плеханов. Личность великого мыслителя и революционера очень привлекала к себе Плеханова, и он возвращался к нему несколько раз. Впервые Плеханов пишет о Чернышевском в статье «Афанасий Прокофьевич Шапов» («Вестник Народной Воли» № 1, 1883). Он устанавливает здесь разницу в исторических идеях Чернышевского и Шапова, рассказывая о их беседе в 1862 г., когда Чернышевский хотел привлечь Шапова на свою сторону. Основной пункт их расхождения был в отношении к государству: Чернышевский, вполне сознавая, что социалистический переворот должен в конце концов уничтожить противоречие между обществом и государством, понимал в то же время, что это — уже более отдаленная цель. Будучи сторонником общинного землевладения, Чернышевский ставил его под охрану государства, — разумеется, не самодержавно-бюрократического. Он придавал огромное значение созданию свободных политических учреждений и утверждал, что экономические реформы должны быть предприняты на основе государственной, а не местной, общинной или областной инициативы.

В следующий раз Плеханов обращался к Чернышевскому в своей известной книге «Наши разногласия» (1885). Называя Чернышевского «великим учителем молодежи», он говорит здесь, что его «Критика философских предубеждений» была и осталась в нашей литературе самым блестящим опытом приложения диалектики к анализу общественных явлений. Чернышевский доказал, что общинное землевладение может, при известных условиях, прямо перейти в коммунистическую форму развития; но его положения носят чересчур отвлеченный характер. При всем своем уважении к Чернышевскому, Плеханов находит у него ряд промахов и односторонностей, объясняя их тем, что он не был знаком с сочинениями Маркса и Энгельса, а социалисты-утописты не могли дать надлежащего ответа на ряд теоретических и практических вопросов. В «народе» большинства стран Западной Европы Чернышевский видел лишь невежественную и инертную массу и недооценивал политическую роль западно-европейского пролетариата.

Сейчас же после смерти Чернышевского Плеханов начал печатать ряд статей о нем (сборник «Социал-демократ», 1890—1892, №№ 1, 2, 3, 4), легших в основу его позднейшей большой работы о Чернышевском. Статьи Плеханова, пользующиеся большой известностью, могут быть в данном обзоре только отмечены, а не анализированы. Напомним лишь некоторые особенности этих статей, вызывавшиеся историческим моментом, в который они писались. В предисловии к позднейшей книге о Чернышевском Плеханов сам говорит об этом: «В то время, когда писались эти статьи, наши народники и субъективисты усердно противопоставляли Чернышевского Марксу и твердили, что тому, кто усвоил себе экономическую теорию автора примечаний к Миллю, нет ни малейшей надобности трудиться над усвоением теории автора «Капитала»... Поэтому, когда скончался Н. Г. Чернышевский и когда, естественно, возник вопрос о подведении итогов его литературной деятельности, я решился критически разобрать его экономические взгляды и показать, что он принадлежит к той эпохе в истории социализма, которая должна теперь считаться уже отжившей». Поэтому в статьях

Плеханова о Чернышевском 1890—1892 гг. публицистический и политический моменты нередко вытесняют историческую точку зрения, и статьи о Чернышевском иногда становятся статьями против Чернышевского. Так, например, Плеханов говорит, что Чернышевский не был большим знатоком политической экономики даже и для своего времени и пр. В позднейших работах о Чернышевском (немецкая и русская книги) Плеханов многое смягчил и изменил, но, надо сказать, элемент недооценки Чернышевского и неправильного его понимания остался у Плеханова и позже, — это было неразрывно связано с общей меньшевистской его позицией.

Во всяком случае, статьи Плеханова о Чернышевском были первой попыткой серьезного научного подхода с марксистской точки зрения к литературному наследству Чернышевского. Написанные, вдобавок, с яркой литературной талантливостью, они сыграли очень большую роль в деле научного изучения Чернышевского. Ничего подобного статьям Плеханова народническая литература 70—80-х гг. не дала.

Подведем итоги. Говоря о произведениях нелегальной литературы 60-х — 80-х гг., не следует, конечно, забывать, что эта литература, по самым условиям своего существования, не могла правильно доставляться в Россию и иметь сколько-нибудь широкое распространение. Из названных нами периодических изданий «Общее Дело», например, повидимому, имело очень слабое распространение, а издания вроде нью-йоркского «Знамени», вероятно, и вовсе не попадали в Россию. И все-таки в некотором количестве нелегальные книги и журналы читались в России; кроме того, они обслуживали тех русских, которые принуждены были жить вне своей страны, т. е. политических эмигрантов. В течение первых десятилетий после гражданской смерти Н. Г. Чернышевского только здесь, в нелегальной (почти исключительно зарубежной) прессе, и могло быть произносимо имя великого мыслителя. Что же в общем итоге было сделано нелегальной прессой относительно Чернышевского?

Во-первых, когда Чернышевский подвергся каре, то по поводу жестокого и подлого приговора над ним в зарубежной прессе с самого начала был заявлен энергичный протест, и самодержавному правительству были брошены в лицо заслуженные им проклятия. В последующее время нелегальная пресса продолжала неустанно и настойчиво говорить о преступлении, совершенном над Чернышевским, и давала хотя бы скудные (ибо других не было) сведения о его жизни в Сибири.

Далее, важной заслугой зарубежной прессы является то, что в течение 60-х и 70-х гг. за границей все время, начиная с 1867 г., издавались произведения Чернышевского — как отдельные книги, так и собрание сочинений (хотя бы и очень неполное). За издание этого собрания сочинений его инициатору, М. К. Эллидину, следует простить много грехов. Особо следует отметить, что среди напечатанных за границей сочинений Чернышевского некоторые, и притом очень важные («Письма без адреса», «Пролог пролога»), были опубликованы впервые. В той же зарубежной прессе было положено начало опубликованию официальных документов о Чернышевском (приговор суда) и появились первые наброски его биографии.

Наконец, в нелегальной литературе впервые были сделаны некоторые общие оценки Чернышевского, произведены попытки установить значение его литературной деятельности. Не все здесь было удачно, но во всяком случае над произведениями Чернышевского работала мысль, и некоторые пункты были установлены правильно. При этом сочинения Чернышевского не были предметом только исторического интереса: представители различных революционных групп стремились к тому, чтобы связать положения своей теории и практики с идеями Чернышевского. Заключительным моментом в попытках нелегальной литературы правильно понять и объяснить Чернышевского является научная работа о нем на марксистских основаниях, данная в статьях Плеханова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обстоятельное изложение этих отношений можно найти в книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность», том II, 1928, глава 2, стр. 43—69.

² Дело идет о Д. А. Милютине — см. ниже.

³ Еще раньше того, в 183-м №, в статье о Чернышевском (о ней см. дальше), в том месте ее, где говорится, что Чернышевскому ставились в вину «сношения с изгнанником Герценом», Герцен сделал примечание: «О чем речь? Неужели о моем открытом предложении печатать «Современник» в Лондоне?».

⁴ В полемике с Чернышевским публицист С. С. Громека, бывший жандармский офицер, заявил в одной из статей, что он пришлет ему свой старый жандармский мундир.

⁵ По мнению Ю. М. Стеклова, статья принадлежит М. А. Бакунину. См. Ю. Стеков. «Михаил Александрович Бакунин», III, стр. 453—454.

⁶ Отметим одну деталь в брошюре Николадзе. Он говорит (стр. 36), что первым донес на Чернышевского, еще до знаменитых петербургских пожаров, Н. С. Лесков. «Дело происходило следующим образом: в январе 1862 г. Чернышевский издал в «Современнике» «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», где между прочим он обзывал всех врагов покойного критика «узколобыми глупцами и тупоумными пошляками». Когда в мае того же года вышла «Молодая Россия», в которой говорилось, что А. И. Герцен начинает отставать от современного движения умов, Лесков напечатал в «Северной Пчеле», что «люди, находящие Искандера отсталым, скоро начнут величать его «тупоумным пошляком или узколобым глупцом». Само собой разумеется, что это даже не намек, а прямое указание на то, что Чернышевский — автор «Молодой России». Здесь имеется в виду неподписанная статья в № 143 «Северной Пчелы» (появившаяся, кстати сказать, не до петербургских пожаров, как говорит Николадзе, а после них). Относительно автора этой статьи в нелегальной прессе можно найти и другое указание: в V томе «Вперед» (1877) на стр. 197 (статейка «Да будет ответ!» в «Смеси») писатель П. И. Мельников-Печерский назван пущным доносчиком на Чернышевского и на «Молодую Россию» Здесь безусловно, имеется в виду та же статья в 143-м № «Северной Пчелы» за 1862 г.

⁷ Судя по сходству не только мыслей, но и самой словесной формы приведенного места с соответственной частью вышеупомянутой брошюры «Правительство и молодое поколение», мы полагаем, что автором данного предисловия был Н. Я. Николадзе.

⁸ Здесь, конечно, имелся в виду Н. И. Утин.

⁹ В. Г. Короленко. Воспоминания о Чернышевском. Полное собрание сочинений, изд. Маркса, I, стр. 357—358.

¹⁰ По всей вероятности, имеется в виду С. П. Боткин, получивший в 1873 г. звание почетного лейб-медика.

¹¹ В упомянутых выше воспоминаниях В. Г. Короленко сказано, что после попытки Мышкина «Чернышевский обратился с убедительной просьбой не делать более таких попыток, и письмо его в таком смысле было напечатано в 70-х гг. в заграничных изданиях». Такого письма самого Чернышевского напечатано не было, но весьма возможно, что Короленко вспомнил именно приведенную корреспонденцию «Из Иркутска». О том, что он решительно не собирается бежать, Николай Гаврилович писал в 1873 и 1875 гг. своей жене, а также говорил после обыска жандарму Купенкову, что он «охотно напечатал бы в газетах своим доброжелателям, не делать к освобождению его никаких попыток» (Ю. Стеков. «Н. Г. Чернышевский», т. II, 550—552).

¹² Лавров допустил здесь ошибку: к моменту покушения Каракозова М. И. Михайлова и Н. А. Серно-Соловьевича уже не было в живых.

¹³ Текст листовки напечатан в «Историко-революционном сборнике», т. II, 1924, стр. 319—320.

¹⁴ «Воспоминания В. В. Бervi». «Голос Минувшего», 1915, IV, 154.

¹⁵ Докладная записка Пыпина Лорис-Меликову напечатана с предисловием Ю. М. Стеклова в «Красном Архиве», 1927, III [22]. См. также «Русская Мысль», 1911, IX (статья Кистяковский) и «Чернышевский в Сибири», II, XIII—XVIII.

¹⁶ В 80-х гг. из работавших еще писателей чаще всего рядом с именем Чернышевского ставилось имя Салтыкова. «Нынешнее поколение... не имело смелости заступиться за талантливейших своих представителей Чернышевского и Салтыкова» («Общее Дело», № 61). «...Всякий негодяй, доползший до властного местечка, может играть, как пешками, жизнью людей, хотя бы эти люди носили имена Чернышевских, Салтыковых, Тургеневых, Л. Н. Толстых...» (там же, № 62). «...Катков и Суворин, которых не должно бы терпеть среди себя ни одно уважающее себя общество... призваны руководить общественным мнением, в то время, когда талантливейшие современные писатели, Чернышевский, Салтыков и

Лев Толстой, лишены возможности писать и права печатать свои произведения» (там же, № 63). «Действительность прежде естественного смертного часа смежила уста и закопала в могилу Салтыкова и Льва Толстого, загнала Чернышевского в Астрахань, Михайловского в Любань» (там же, № 66).

¹⁷ В этих датах заключается ряд неточностей.

¹⁸ Полностью корреспонденция напечатана в книге Чехихина-Ветринского «Н. Г. Чернышевский». 1923, стр. 186—192. В извлечениях — в книге Ю. Стеклова о Чернышевском, т. II, 596—598.

¹⁹ Отметим кстати, что в «Знамени», начиная с № 1 за 1883 г., печатался роман Чернышевского «Пролог пролога».

²⁰ 4-го № мы не могли отыскать в московских библиотеках.